

Владислав Беляков

Теория Забвений

Владислав Владимирович Беляков

Теория Забвений

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=30480726

SelfPub; 2018

Аннотация

Этот мир предлагает читателю погрузиться в пучину переживаний и глубоких тайн, витающих вокруг того, чья судьба совершенно не складывается так, как ей предречено. Побывать во временах демонов, что были созданы для служения и заботе о людях, но суть их исказилась всего лишь из-за одной идеи. Узреть глобальные баталии и сверхъестественные поединки мистических существ. И, наконец, увидеть, как вся суть мироздания меняется в глазах героев, лишь от одного четкого логичного умозаключения, что в дальнейшем изменит жизнь целых народов.

«Теория забвений».

«Есть поверье, что мир, поделен на две равные по силе и размерам стороны, две части, что граничат между собой, поделённые бесконечной непроницаемой, но тонкой, толщиной лишь в нить, чертой, пронизывающей насквозь самую суть мироздания. И эти две половины безуспешно стараются заполнить стороны друг друга, под действием всепоглощающего желания стать единственным их обладателем. Но, лишь поворачивая непреступную границу, они, как противоположно направленные стрелки циферблата, вращаются вокруг своей оси, а мир наполняет то свет, то тьма.

Вопреки всему выше сказанному никакой нити, границы или пробела, что разделяет противоположности, попросту не существует. И, как в каждом из нас, идеи и даже мысли могут быть обращены в любую из возможных сторон, краски на круглом холсте, словно живые, просто симметрично перетекают изменяя или даже полностью меняя нечёткие очертания. Вот только, как и все цвета, как бы это ни было сложно для обычного хода вещей, чёрный и белый также могут смешаться. И, будто по цепной реакции, всё полотно медленно покрывается серым и невзрачным пятном, не имеющим ни границ, ни углов.

В таком мире логика вещей расплывается, а мораль становится сумбурной и неразборчивой. И как же жить, если не

знаешь, что можно делать, что нельзя, когда перед тобой открыты все двери, нет никаких пределов и оков? Такое может свести с ума, ведь любое воображение, любой ум всё же ограничен стенами и законами окружающего его мира, измеряемыми и регулируемыми возможностями и даже чувства. Но что же будет, если границы эти пали?.. Тогда наступает свобода. Полная свобода, что дарует безграничные возможности, власть и могущество, начинающие струиться через край, выливаясь за свой внешний круг. А в конечном итоге такой мирок встречает на своем пути точно такую же, неограниченную ничем силу, что стремится к аналогичной эгоистичной цели. Так появляться новое полотно, новый циферблат, и крутится он до тех пор, пока попросту вновь не потеряет свои стрелки...».

Это – строки из книги, дарованной величайшим человеком в истории, лежащей на самой высокой части монумента памяти всех, кто отдал свою жизнь ради великой цели. Каждый ученик, их читающий, запоминает хотя бы пару предложений, что больше всего въелись в его разум. Они оставят след, которой тот пронесёт через свою, почти бесконечно долгую, невозможную для обычных людей жизнь. Мезмеро – это имя человека, что написал со слов самого основателя, законы, по которым предписано жить, величайшим представителям из рода людского, избранным, которым дарована ответственность, поддержания нужной «окраски» третьего мира, что по чьей-то безумной прихоти однажды уже чуть свер-

нул с пути, предписанного самим создателем. И единственное благо, что осталось после тех событий, есть тот ужасный и одновременно безгранично прекрасный, достойный пример, пример того, что каждый, подобно целому миру, может выбирать свой собственный путь. Что он может стать по-настоящему свободен.

«Любое создание ищет смысл своего существования. Но порой он приходит к нам сам. Вопреки всем ожиданиям и даже полностью меняя представление о сущем».

Первая заповедь книги Мезмеро

Акт первый

Начало пути.

Такие тёплые дни очень радуют в середине осени. День проходит быстро и легко, а ночь наступает медленно и не расторопно. И, когда подходит вечер, и уже смеркается, за окном тёмной маленькой комнаты, в которой горит огонек ночника, осыпаются такие же пламенно жёлтые листья. Свет попадает на деревянную тумбу, стоящую у стены, а также на кровать, на который под одеялом лежит маленький мальчик. Обои в серых оттенках, большой махровый палас, лежащий перед кроватью, по которому очень приятно ходить босиком, картина, висящая на стене, и комод приблизительно тех же тонов – вот так выглядят комнаты здешних учеников школ.

Старая, на вид, как древний кусок свитой коры, дверь открывается медленно и без единого скрипа, и в неё входит тёмная невысокая фигура.

– Деда! – Радостно сказал мальчик. – А я тебя жду!

– А вот и я, дорогой мой. – Старец, вошел и, закрыв за собой тихую и почти невесомую дверь, присел на угол кровати. – Сегодня тебе исполнилось десять лет, и ты станешь полноправным учеником нашего дома.

– Стану, ведь я же сам так решил. Так ты расскажешь мне эту сказку?

– Конечно, мой мальчик. – Он укрыл паренька повыше одеялом и начал свой рассказ. Говорил он, как и все взрослые члены ордена, в старой традиционной манере, от которой очень сложно избавиться, однажды привыкнув: – Изначально не было ничего. Лишь только разум и воля творца, обитали в пустоте. И в мудрости своей он создал то, что её заполняло. Так появился свет, и был он безграничен, поглощая всё без остатка. Но по сути своей ничего не изменилось, ведь пустота лишь обрела другой оттенок. Тогда творец создал тьму, дабы та стала преградой на пути его... Обе сущности, сотворенные по велению разума, воли, образу и, подобно создателю, могли также творить. Из сияния вышли светлейшие, создания необыкновенной красоты. А тьма породила противоположных мерзких уродливых бездумных бевсов, что действовали лишь по своей воле. Светлейшие же, в свою очередь, подобно первому творению, были лишены

её. Творец, взглядевшись в эти создания, понял, что не это хотел узреть в своих детях, и возвел из пустоты третий мир, что населили существа, наделённые сразу двумя эссенциями мироздания: разумом и волей. Они были настолько на него похожи, самостоятельны, что отец возгордился и совершил первую свою ошибку. Открыв дорогу светлейшим в мир людей, дабы увидели они совершенство, он поставил третий мир под удар этих могущественный, но безвольных созданий. Дети чистого испепеляющего света, поддаваясь главному инстинкту, следовали указу и заглядывали за каждый камень, что попадался их взору. Последствия этой ошибки, заставили творца впустить в мир и бесов, чтобы усмирить разбушевавшийся свет, но, как и впервые, плодов это не принесло. Тогда творец убрал олицетворения и света, и тьмы из третьего мира, навеки запечатав там, где им и место. И решил уйти сам, дабы не совершить более ошибок. Только покинуть этот мир полностью не смог. И оставил он после себя хранителей разума своего и воли, чтобы не допустить детям повторять старые его ошибки. Соединив сущность светлейшего с телом обычного смертного, создал он ангелов, наделённых знаниями и полномочиями защищать целостность третьего мира. Но не оставил без внимания и венец своего творения. Взяв сущность беса и соединив с телом и душой смертного, так появились демоны, имевшие и разум, и волю. И предписал он им следить за родом людским, наставлять на путь истинный, учить и наказывать, если они то-

го заслужат...

– Ура... – Перебил его маленький мальчик. – Я всегда хотел, чтобы ты мне рассказал больше о нашем мире!

– Обо всем ты начнешь узнавать уже совсем скоро, но, увы, уже не от меня. Цель моего же рассказа – донести смысл.

– Дедуль, о чем ты? Мне же всего десять лет...

– Когда подрастёшь и вспомнишь эту сказку, вот тогда-то и поймёшь его.

– Ну хорошо. – Вздохнул он и перевернулся на правый бок.

Старец улыбнулся и продолжил, проведя рукой по его волосам: – Итак, на чем же я остановился, память уже моя не та... Ах да. Столетия шли по плану создателя. Демоны следили за людьми, наставляли их, поощряли и карали, если потребуется, показывая примеры другим. А ангелы спокойно следили за мирозданием. Но, в один день, в рядах хранителей рода людского появились те, что вняли совершенно иной точке зрения. И идея эта была проста и гениальна, но в то же время некоторым умам не поддалась. По всему третьему миру неслась весть, что они – последние творения создателя, и этот мир должен существовать для них. Что не следует им кому-либо служить, а тем более людям. Хранители забвений, темниц для духа, в которых изгонялись пороки самых закоренелых отступников, приняли новую суть, а все им подчиненные, разумеется, последовали за ними. И могучие

ангелы не имели права противостоять их замыслу, ведь не было угрозы для третьего мира в целом. И, когда всё почти уже кончилось, один из них отвернулся от своих собратьев. Благодаря его собственным идеалам он пришёл к воинству светлomu и направил их на истинный путь, во имя сохранения дарованного им отцом первозданного мира. Так начался поход. Владыка-отступник научил ангелов принимать собственные решения, ибо только так можно сохранять жизни, побеждая в одной битве за другой, и война была выиграна, а мятежники разбиты. Но, стерев свою семью с лица третьего мира, герой решил построить новую. Так был создан наш дом. Он дал ему название, дал смысл жизни и заповеди, по которым мы живем и по сей день. А завтра, Виктор. Ты станешь одним из нас. Станешь одним из мезмеро.

– Жду не дождусь, дедушка. Жду не дождусь... – говорил мальчик, закутываясь в одеяло.

– А теперь засыпай, завтра у тебя будет насыщенный день. Старец поднялся с постели, затем выключил ночник. Подойдя к двери, тихо открыл её и произнёс: «С Днём Рождения, мой мальчик, да исполнится твоя самая заветная мечта». Он вышел за дверь, а та медленно и тихонько затворилась. Легкий ветерок бесшумно подул в еле заметную щель, вынося за собой последние мгновения уходящего дня.

А тем временем в обычном городе уже горели огни, люди прогуливались по улицам. Одни просто гуляли, другие же праздновали окончание рабочей недели в весёлых компа-

ниях. Вечерние заведения были давно открыты и ожидали посетителей. Сложно предположить по проходящим мимо людям, чем они намеривались заняться этим вечером. Раньше по элегантному наряду, гордому стану, и многим другим признакам можно было понять, что этот или иной человек идёт на вечерний бал, или же на другое социальное мероприятие, а в настоящее время «бальные» черты присущи всем и каждому, и куда бы человек не собирался, он думает, что величественнее и прекраснее торжества не было и никогда уже не будет. Куда ни глянь все заняты своими делам. Дамы тихо гуляют со своими кавалерами, шумные компании бегают и кричат по центральной площади, и непонятно как их не задерживают полицейские, сидящие в машинах, припаркованных на этой самой площади. Видимо все устали под конец недели и просто хотят отдохнуть, как только могут. Всё это неизменно, как и то, что ни одна живая душа никогда не заходит в глубь ноябрьского парка. Одни говорят, что это запрещено по каким-то причинам, другие что там странная погода и туман, и даже ходят слухи, что кто заходит туда никогда не возвращается. Хотя люди в этом городе совершенно несусеверны и достаточно скептически. Никто не верит даже в истории о призраках, и, если перед кем-то появится дух его прабабушки, который начнёт рассказывать про великие сокровища, закопанные на заднем дворе дома, тот просто пройдёт мимо, да ещё и с таким видом, что вся эта информация давно уже была опровергнута. А многие из молодежи,

забегающие в парк, никогда не делятся впечатлениями, будто никто о них и не помнит.

Один приезжий в город турист удивился наличию места, которого нету ни в одной брошюре, карте и даже справочнике, хотя невооруженным глазом заметна проходящая туда проводка, трубы, и тусклый свет, что мерцает где-то в глубине. Деревья, в свою очередь, такие ухоженные широкие и высокие, кажется, что этому лесу тысячи лет, и кто-то определённо следит за ним. Поддавшись своему любопытству, он отправился на поиски, и, спустя какое-то время, их прервала непонятная невидимая стена, взявшаяся из неоткуда прямо перед его носом. Из неё вышли какие-то люди в элегантных темно синих или сиреневых костюмах, взяли его под руки и «вывели» из леса, причём мужчина не мог при этом вымолвить ни слова, а уж о сопротивлении даже и не задумывался. А, выйдя за территорию, мысли о недавно случившемся не долго задержались у него голове, ведь стоило оказаться за пределами парка, они попросту исчезли, как и те неизвестные... осталась лишь одна идея. Тщательно порывшись по карманам, он обнаружил брошюру с картой города и продолжил свой поход по неизвестному ему ночному городу. Не зря же он всё-таки сюда приехал.

Утро выдалось как обычно неудачным. Виктор проспал, запомнил куда положил часы, а, пока искал, забыл по-

чистить зубы, и было уже слишком поздно, так как раздался стук в дверь. Она отварилась и в комнату вошёл Алтейский, молодой офицер, исполняющий должность протокольного дежурного, чтобы забрать вчерашнего именинника на завтрак.

– Доброе утро, Сергей, – сказал он, высовывая руку из-под стола, – я сейчас, одну секунду.

– Виктор, уже пол десятого, а ты ещё даже не по форме! И не говори, что у тебя её нет, я сам лично её вчера тебе отдал. – Пробормотала сильно педантичная фигура, стоящая в дверном проёме. Под словом «сильно» понимается то, что, как все члены ордена не были бы рады носить почётную тёмно-фиолетовую мезмерскую форму, Алтейский отличался высокой степенью гордости, и она выражалась в совершенных мелочах. У этого человека форма была всегда как новенькая. – Думаешь, что если ты сегодня герой дня, то тебе положен особый подход? Никак нет! Сегодня у тебя великий день! День твоей инициации...

Но неожиданно его прерывает радостно выбегающая из-под стола фигура Виктора, кричащая: «Нашёл, нашёл...». Мальчишка резко влетел в старинный шкаф, а, прошуршав там несколько секунд, выбежал уже в штанах и накинутой рубашке. Всегда отличавшись ловкостью даже для своих малых лет, он, добежав от одного конца комнаты до другого, уже застегнулся и встал перед лейтенантом.

– Готов! – Радостно сказал он.

– А как же галстук?! – С противным акцентом спросил Сергей, но в ответе отпала любая нужда, когда паренёк быстро достал его из кармана и завязал на шее. – Ну, думаю, ты готов... пора

– Давно пора, сэр. – Весело сказал мальчик и, обойдя офицера сбоку, зашагал вдоль длинного коридора, заполненного утренним светом.

Двое шли по залу, выполненному в старом средневековом стиле, и, хоть и казалось, что он совсем новый, от стен веяло стариной и мудростью, будто они повидали всю историю человечества. Оба в тёмно-фиолетовой форме, единственное, что у Виктора не было сюртука, ведь тот могут носить лишь полноправные члены ордена. Выглядит он, как плащ или пальто, только толще первого и тоньше второго, с широко разделённым длинным задним подолом как у фрака. Пройдя коридор, они распахнули двери и вышли во двор, где уже всюду ходили люди. Огромный замок, залитый слепящим светом и белые колонны, отражающие его ещё ярче, предстали пред ними. Слева торговая площадь, рынок, где можно было приобрести от всяческих вкусностей до совершенно невиданных вещей. Люди приходят сюда с потребностями любого вида и сорта и почти всегда находят что искали, даже если, скорее всего, это было практически невозможно. Справа же находился штаб ордена, вместе с академией офицеров и другими структурами, связанными с защитой всего третьего мира, и все дела внешнего круга прохо-

дят через них. А ещё правее обосновалась школа для детей. С шести до десяти лет все дети дома мезмеро, не зависимо от того, были ли они рождены в пределах внутреннего круга, либо обнаружены и изъяты из внешнего, учатся именно в ней. Там за ними наблюдают, выявляют способности и таланты, а затем, по полученным данным, предлагают выбор, направление будущего пути, по которому каждый из малышей должен будет направиться. И, хотя, предполагается, что ребёнку предоставляются самые подходящие ему варианты, на самом деле, выбор абсолютно свободный. Принимается даже его отсутствие. В таком случае ребёнок остаётся учиться дальше в школе ещё год, и так далее, пока каждый не поймёт, чего хочет сам. А, если уж решился, то всегда есть время и передумать. В самом центре площади стоит здание совета дома – огромное белое строение из колонн и стен их соединяющих. Через главный вход попадаешь сразу в зал, слева от которого находится храм, а посреди него мемориал памяти, с именами всех когда-либо почивших, и заповедями, начертанными самим основателем много столетий назад. Из центрального холла можно также попасть в зал заседаний суда, совета, и в покои его членов. В Совет входят представители из всех сословий, выбранные в каждом из них, а возглавляет его старейшина – мудрейший и древнейший из всего народа. Там обсуждаются все дела без исключения: мира и спокойствия граждан, их благополучия, планы на ближайшее и далёкое будущее, всё, касающееся внутреннего круга, про-

ходят через их палаты. А жилые дома вместе с заведениями вроде ресторанов, театров и других расположены хаотично по всей площади замка, так как хозяева могут их передвигать по своему желанию.

– Ты знаешь куда мы сейчас направляемся? – Спрашивал Алтейский у паренька, закрывающего лицо от света руками.

Мальчик неуверенно ответил: – В штаб ордена?

– Нет, сначала мы идём доложить совету и подписать акт о переходе в ряды кадетов. Должен сказать, ты, как и я в своё время, досрочно выбрал учёбу в академии, и я всецело это одобряю! Также... – говорил с поднятой головой Сергей, совершенно не заметив, что будущий кадет уже направился к дому совета, прошёл улицу и почти подошёл к двери. Но тут, почувствовав, что никто его не слушает, он опустил голову, открыл глаза и увидел Виктора, тянувшегося к ручке огромной для его небольших габаритов входной двери. В этот момент офицер вывел одну руку вперёд и в этот же миг исчез в сиреновом облаке из зеркал и дыма, что упали, не оставив и следа, а через долю секунды он появился прямо перед мальчиком, хватая того аккуратно за руку: «По правилам я должен войти в зал первым и представить тебя старейшине. Если это пройдёт не так, могут подумать, что я плохо выполняю свои обязанности.» Виктор сразу же осознал свою оплошность и вежливо извинился. Тогда офицер распахнул дверь, и они оба вошли в огромный зал. Улыбчивый морщинистый мужчина в белом плаще, больше похожим на рясу, с

короткой стрижкой и седой бородой обернулся.

– Доброго вам утра, господин Закрин. – Учтиво приклонил голову офицер.

– И тебе, Сергей. А вы, молодой человек, я так понимаю, за разрешением явились. – Дёрнул густой бровью старейшина.

Мальчик улыбнулся и ответил, не понимая с кем имеет честь вести беседу. – Так точно.

Но Закрин, не смотря на свой высокий чин, всегда был человеком добрым и рассудительным, и был рад видеть молодое поколение, что ещё даже не знает о его существовании. Мужчина шагнул вперёд и очутился буквально в двух шагах от левой двери: – Прошу за мной, господа.

Казалось, что следующая комната соткана из цельного куска материала. В ней не оказалось ни окон, ни щелей, но помещение было освещено, при отсутствии какого-либо источника света. Пройдя по полу, Виктор заметил, что и тени у него, собственно, так же нет, и вот тут он не удержался от вопроса: – А как это? – Раздался детский голосок.

– Это храм баланса, мой мальчик. – Объяснял Закрин, направляясь прямо к монументу, даже не поворачивая головы, точно зная о чём тот спрашивает. – Здесь нет ни теней, ни света, тут мы скрыты от сил и тех и других. Да где же оно... – Торопливо, но осторожно листал он страницы книги на пьедестале. – Ах вот. Держи. Прочитай и подпиши. Это акт о твоём зачислении в ряды кадетов мезмерской академии.

Старейшина передал листок бумаги Виктору. Он медленно и вдумчиво всё прочитал, взял ручку и поставил подпись.

– Не смеем вас более задерживать сэр. – Сказал Алтейский, и вместе с мальчиком они попрощались с Закрином и направились к выходу.

Покинув залы совета, двоица пошла напрямиком в школу, на сей раз, чтобы отписать Виктора от числа учеников, а также, чтобы тот мог покушать в привычной ему обстановке, ведь негоже оставлять именинника без завтрака. Паренёк спокойно пришёл в столовую, сел за стол и приступил к еде. Алтейский в это время ждал того у входа. Поговаривали, что он не очень любил это место, а с годами оно ничуть не изменилось. Расправившись со всем, что было на тарелке, паренёк поднялся, отнёс её на поднос и, попрощавшись с хозяйкой кухни, направился к выходу:

– Слава основателю. – Слегка расстроенным голосом сказал Сергей.

Мальчик подумал, что он опять в чём-то виноват: – В смысле? Разве я сильно задержался?

– Нет, нет, ты тут не при чём. Просто мне было очень тяжело покидать это место в первый раз, и я не могу понять, как ты так легко и спокойно к этому относишься. Ну... – Подумал тот вслух. – ... у всех свои впечатления, не хочу, портить настроение в такой значимый день. Может у тебя просто очень крепкие нервы, мне вот, честно сказать, с этим не повезло.

Виктор слегка задумался: «О чем это он?» – С чего бы моему настроению испортится?

– Ну, неужели у тебя не было там друзей?

– Были.

– И ты вот так легко можешь их покинуть?

– Да я и не задумывался об этом...

– Как это так? – Удивленно спросил Алтайский и слегка замедлил шаг, но паренёк не знал ответа на данный вопрос:

– Как-то ... так. Я же иду на встречу своей мечте. Им со мной оказалось не по пути...

Резкая черствость такого на вид активного и дружелюбного ребёнка немного смутила младшего лейтенанта, но он всё же подумал, что это не его дело: – Нам направо, кадет. – Поправил он мальчика, уже поторопившегося вперёд.

Виктор развернулся на месте: – Ах. Ну да. Точно. – И проследовал по нужному пути.

Пока они направлялись дальше, пошёл медленный крупный снег, продлившийся всего пару минут, но успевший оставить грязь на земле, которую Сергей Алтайский не любил также, как и не проглаженные рукава своей формы. Наверное, потому что та портила его безупречно начищенные чёрные туфли, ну или потому что Виктор зазевавшись наступил в лужу и расплескал капли на штаны офицера. В итоге путь до академии оказался полон непредвиденных сюрпризов, но до момента, как те добрались до проходного пункта, Сергей умудрился всё почистить так, будто ничего и не бы-

ло. А возле стены их встретил смотрящий. Затесанный прямо в сам камень, он сидел на лавке перед стеной, нижнюю часть его тела обвивал куст винограда, а из рук росли редкие веточки с маленькими полу проросшими листьями.

– А где дверь? – Спросил будущий кадет, разглядывая высокую кирпичную стену, пытаясь избежать взора странного каменного человека.

– Добрый день. – Поздоровался сторож, окинув обоих недоверчивым взглядом.

Лейтенант ему ответил: – День добрый. Я – Сергей Алтейский, протокольный дежурный. Привел нового кадета на церемонию посвящения.

Но почему-то смотрящему показалось, что столь официальное обращение выглядит достаточно наиграно и подозрительно. – А можно ваше удостоверение, лейтенант? – вежливо попросил он у Алтейского, на что тот торопливо достал его из кармана и передал прямо в большие, покрывшиеся мхом руки. Развернув документ, привратник увидел фотографию, безмолвно отдал удостоверение назад владельцу и впустил обоих на территорию: – Добро пожаловать, господа.

Виктор захотел спросить: «А куда идти?», но каменная стена перед ними раздвинулась прямо как ворота, и они оба аккуратно и не оглядываясь вошли в академию. Выглядела она неопишимо, с виду как дворец внутри замка, даже зал совета не мог бы с ней потягаться. Все здания выполнены в стиле восемнадцатого века, с присущей элегантно-

стью и великолепием архитектуры того времени, сохранившейся идеально настолько, что казалось, они прошли буквально сквозь время. Сад из прекрасных, ухоженных деревьев тянулся до фонтана, расположенного рядом с двумя полукруглыми лестницами, ведущими к центральному входу главного административного здания. Слева от него находилось ещё одно двухэтажное строение, но чуть меньших размеров, из него были слышны множество разнообразных звуков музыки и голосов, а из одноэтажного здания, кажущегося круглым, словно огромная пилюля, шли вибрации, распространяющиеся по земле прямо до их ног. Все это предавало невероятную насыщенную жизненную окраску этому великолепному месту, и маленькому мальчику показалось, что тот попал в новый мир.

– Слева расположен дом культуры для кадетов, – пояснял Сергей, озаряющемуся Виктору, – там ты сможешь заниматься практически всем, чем захочешь, ну и, собственно, что разрешено в пределах этих стен. А вот это здание справа, некоторые называют «таблеткой», и не только из-за формы. На самом деле оно просто идёт этажами вниз, и там расположены пункты медицинской помощи, а также это главный полигон для практического обучения. Некоторые вещи могут быть опасны и поэтому их лучше держать под землёй во избежание лишнего шума и других неприятных вещей. А вот это, – демонстративно обводил он рукой главное здание с фонтаном, – Административных холл. Здесь вам будут пре-

подавать теоретическую часть всей нашей науки, культуры, истории и представлении мира. – Было сразу заметно, что эту речь Сергей говорит не в первый раз, ведь Виктор далеко не первый новобранец. А также ту гордость за это место, с которой лейтенант изъяснялся, можно было ловить ложкой прямо у его рта и замешивать в салат. Мальчик от удивленного потерял дар речи и стоял, разглядывая целый новый мир. Всё это – именно то, чего он так давно хотел, и вот, ему осталось всего лишь сделать один последний шаг на встречу мечте.

– Так, ну, думаю, краткая инструкция проведена. Теперь же нам сюда. – Произнес заключительную фразу Алтайский и направился вперёд к Административному холлу, а Виктор вновь спокойно проследовал за лейтенантом. Они начали подниматься вверх по круговой лестнице, ступеньки которой оказались настолько высокие и широкие, что маленькому пареньку было непросто по ним подниматься. Но, взобравшись наверх и подойдя к дверям, они тут же сами по себе распахнулись, и офицер с мальчиком вошли внутрь. Попав в длинный коридор, их внимание привлекли огромные окна с резьбой в виде веток деревьев, простиравшиеся по всей правой стороне, делая его наполненным светом и грацией. Две колонны курсантов всех возрастов по краям огромного темно-красного ковра приветствовали их, будто персон королевских кровей. Дойдя до самого конца, ребят встретили улыбчивые лица:

– Добрый день, лейтенант, молодой человек. – Сказал мужчина в очках на вид лет тридцати, стоящий посередине. – Меня зовут Альберт Греций, я – глава академического холла. Мы рады приветствовать столь целенаправленного новобранца в рядах наших кадетов.

– Здравствуйте! Это большая честь для меня, вступить в ряды ордена нашего дома. – Поклонившись в знак уважения, сказал Виктор. Эту фразу он прочитал в какой-то книге и выучил на зубок, чтобы произвести хорошее впечатление.

– Подними голову дитя, – улыбнувшись произнёс Греций. – ибо тебе нужно всё чётко видеть. Сейчас я проведу небольшую экскурсию по холлу и, думаю, приму на себя обязанность рассказать тебе о смысле существования нашего ордена, раз уж тебе про него уже известно. На этом всё, офицер, благодарю вас, – обратился он к Алтейскому, – далее беру всё лично на себя.

– Да будет так. – Ответил ему Сергей и, попрощавшись с мальчиком, отправился к выходу.

Стиль разговора у главы был похож на тот, что Виктор слышал от дедушки Абрахама, поэтому счёл его присущим каждому из ордена. Но, отнюдь, он был не прав. Просто, как и маленький новобранец, Альберт тоже умел учить речи, и, даже больше, это была его основная обязанность. Официальный оттенок тона также исчез, стоило им уйти с глаз толпы. Пока они поднимались на тринадцатый этаж, где были расположены всяческие кабинеты сотрудников административ-

ного холла, Греций завел диалог:

– А мы тут были слышаны о тебе.

– Почему? Разве вызваться вступить в академию ордена это такая редкость?

– Ну, понимаешь, в школе все успехи и лучшие качества детей тщательно рассматриваются. Ты знаешь, что означает слово «мезмеро»? – Оглянул Греций мальчика.

– Да, конечно, это название нашего дома.

– Разумеется, это так. Но «Мезмеро», это не только название, это – имя! Имя человека, что когда-то был первым. Именно он получил дар от самого основателя, и теперь каждый называет себя его именем, словно говоря о профессии.

Осторожно пройдя мимо тех самых дверей, Альберт подошёл к своему кабинету. И обстановка в нём поражала расхождением со всем архитектурным стилем самого здания. Древний и прекрасный тон оборвался и резко сменился на современный офис, производя впечатление, что те вновь перешагнули через само время. Большой чёрный стол с непонятными инструментами, кучей бумаг, лежащих слегка в беспорядке, стеклянный шкаф с папками и другими офисными принадлежностями, белые часы над столом – такого мальчик ещё никогда не видел. Они присели на чёрный кожаный диван, стоящим рядом со стеклянным чайным столиком. Альберт поднял трубку и позвонил куда-то, чтобы им принесли обед по особому случаю и продолжил рассказ. А паренёк совершенно не понимал, что тот делает, и всё молча

слушал.

– Так вот, наш дом был основан великим воином, сплотившим дух созданий света и даровавший им свою волю, ради спасения этого мира. Он дал избранным людям частицу своей души, тем самым подарив способность подчинять пространство нашей воле, как это делал он сам. Каждый из ордена может изменять всё вокруг себя по своему желанию, ну и, естественно, по возможностям. Чем крепче ментальные связи у отдельной личности, тем глубже он может вникать в суть вещей. И у тебя очень редкие показатели в таком малом возрасте. Тебе было предписано пойти в академию ещё до твоего решения, чем ты ещё более удивил людей, наблюдающих за тобой. И вот ты здесь.

Виктор удивленно спросил – Это же хорошо?

– Разумеется. – Широко улыбнулся Альберт в ответ. – Целью нашего ордена является нейтрализация любой потусторонней активности в третьем мире. Это значит, что если люди окажутся в опасности из-за сил им неведомых, и которым они не смогут противостоять, то наша работа – защитить их, а это очень хорошо.

– Но ведь мы тоже люди...

– Да тела наши смертны. Но у каждого мезмеро есть частица самого основателя, поэтому мы живем гораздо дольше обычных людей, разум наш чище, а души ранимы. Таков был строй с начала времён, и, чтобы его не разрушать, мы держимся обособленно от внешнего круга. Ты же никогда не

был за пределами стен дома, не так ли?

– Нет...

– Это потому что детям не разрешено вступать в контакт с миром обычных людей, даже если их когда-то оттуда забрали, ради их же собственной безопасности. Наши души разные и страдают совершенно по-разному. Способности мезмеро могут быть коварны и опасны, а люди вдобавок бояться того, чего не могут понять.

– Но, сэр... можно вопрос?

– Разумеется.

– А почему они сами к нам не приходят?

Альберт улыбнулся: – Просто они не знают о нашем существовании.

– Но ведь у нас же такой огромный дом. – Показывал мальчик, широко разводя руками.

– Наши стены окружены сильными чарами, делающими его почти невидимым для глаз обычных людей, и, даже если они случайно натыкаются на него, то всё равно забывают о том, что видели. Это сделано ради нашей защиты, а также ради защиты их повседневной жизни. За свои сто пятьдесят лет я повидал очень многое, особенно развитие прогресса. – Со смехом сказал Греций, оглядывая свой офисный стол с компьютером.

– Вам сто с лишним лет? – Ошарашенно спросил его паренёк.

– Сто сорок пять, если быть точным, хотя по мне, навер-

ное, не скажешь. – Широко он улыбался. – Я уже упоминал, что мы живём долго, хотя, скажу тебе по секрету, за все годы, проведённые в стенах замка, я пережил меньше приключений чем за пять лет за его пределами, изучая внешний круг. Мир людей огромен и очень быстр, не успеваешь даже подумать, как уже надо что-то делать. С этой точки зрения он прекрасен.

– Я бы тоже хотел его увидеть. – Улыбался Виктор в ответ.

– О увидишь мой мальчик, в своё время.

Тут раздался стук в дверь, она открылась, и в кабинет вошли парень и девушка с двумя подносами. Они вежливо поздоровались с главой и мальчиком, поставили подносы на стол и ушли.

– Ну, вот и обед для нас принесли. – Подался Греций вперёд.

Виктор скромно глядел на поднос: – Мне первый раз в жизни приносят обед. А что это?

– Не знаю, давай посмотрим.

Альберт снял обе крышки с тарелок, и они принялись за прекрасные блюда. Виктор никогда ещё не пробовал такой еды. Всё было невероятно вкусно. Глава сказал, что это рецепт из внешнего мира, о которых он узнал, пока был в экспедиции. Ещё долго разговаривая с мальчиком по душам, Греций узнавал его, хоть и детское, но всё же личное мнение о разных вещах, потом сказал, что должен провести его по оставшимся частям административного холла, которые,

по его мнению, были самыми скучными, таким как бухгалтерия, отделы кадров и безопасности и другим, но, пожалуй, этого они делать не будут. Сам потом найдёт, если, упаси основатель, вдруг, ему понадобятся.

Время уже подходило к вечеру, солнце медленно садилось, и Альберт, взглянул в открытое окно: «Ну вот, друг мой, похоже пора.». Двоица спустилась по лестнице во внутренний двор, где к тому моменту уже находились многие люди. Они стояли в тёмных балахонах с капюшонами, покрывающими их головы. Альберт и Виктор прошли к ним, и глава обратился к членам совета:

– Всё готово?

Они открыли лица. Советники во главе с Закрином в белом, спокойно стояли образуя полукруг. Подул слабый ветер, а в самом центре закружил фиолетовый туман. Буквально несколько секунд и на том месте образовалось некое строение, небольшое слегка вогнутое пространство, обрамлённое с четырех сторон малыми колоннами похожее на алтарь. Старейшина медленно показал на него, слегка опустив вниз голову и закрыв глаза. Альберт тоже протянул руку вперёд, указывая путь: «Ступай, Виктор, встань на пьедестал лицом к старейшине». И тот сделал в точности как ему велели.

– Положи руки на пьедестал, дитя, – сказал Закрин, и две передние колонны опустились до уровня рук мальчика. Он не колеблясь возложил на них свои ладони.

Старейшина вышел вперёд и встал перед ним: – Для каких

целей, ты стремишься нести мир на плечах своих?

Паренёк, разумеется, задумался над таким резким вопросом. А с какой стати он собрался это делать? Он ведь просто хочет помогать, но никак не отвечать за целый мир: – Я хочу помогать людям... – Сказал он то, что и пришло ему в голову.

Но колонны слегка завибрировали, и Закрин пояснил: – Многие хотят. Похвально. Но это не ответ на заданный мною вопрос. «Для каких целей ты стремишься нести мир на плечах своих?»

Виктор вновь задумался: «Разве должно быть что-то ещё благороднее, нежели желание помогать?»

– Мы наслышаны о твоём стремлении, но в данный момент нам важно не то, что у тебя на уме, а то, что у тебя в душе. – Старейшина дотронулся до головы мальчика, и тот моментально оказался уже далеко не на заднем дворе.

Странное пустое место без какой-либо огранки красовалось вокруг, а в центре лишь только тот самый фиолетовый еле заметный туман. Из дымки начали проясняться какие-то образы, будто смотришь через окно. Звонарь увидел самого себя сидящего за партой. Учитель тогда рассказывал что-то, но ему это было не так уж и интересно, он скучал, глядя в окно и размышлял о чем-то своём. Вот он уже видит себя в столовой. Обеденный стол, рядом какие-то ребята, все довольны и о чём-то разговаривают. Все, кроме него. Виктор же, как обычно, задумался и его лишь изредка вытягивают из

воображения. Не понимая зачем, он смотрит на самого себя, а взглядевшись вдаль позади этого полупрозрачного зеркала, увидел Закрина, стоящего по ту сторону.

– Что же ты ищешь в мире фантазий, чего не можешь найти здесь? – Спрашивал у него старейшина.

– Даже не знаю, – ответил он, – да, ничего...

– Подумай, не торопись, здесь у нас есть время.

Увидев следующий образ своей памяти, где он читает книгу, которую ему дал дед Абрахам, Виктор начал размышлять в слух: – Я всегда знал, что есть вещи за гранью нашего понимания, поэтому мне и незачем особо об этом думать. Всегда делаю все, как всегда, но постоянно возникает какое-то странное ощущение. Ни о чем я не мечтаю, просто погружаюсь куда-то, а затем и не помню для чего. Думал, что в ордене мне всё объяснят. Ну или найдут таких же как я.

– Таких же пустых? – Задал ему Закрин неожиданный и резкий вопрос.

– В каком смысле?

– Как и ты я вглядываюсь в твою память и не вижу ничего. Кроме очевидной мечты вступить в наши ряды у тебя нету никаких целей, помыслов или желаний. Твой дух, внутренний мир огромен, – показывал он руками на окружение, – но внутри него пустота. И это именно она затягивает тебя снова и снова.

– По-видимому, это уже плохо...

– Нет, это лишь заставляет меня взять с тебя обещание.

– Какое?

Старейшина обошёл образы и подошёл к нему: – Пообещай заполнить свой мир. Найти то, что ты ищешь.

Виктор моргнул и следом увидел, как Закрин отрывает пальцы от его лба.

– Что? ... Что это было?

– Я увидел, ответ. Алтарь показал мне всё, что я хотел узнать. – Он развернулся и начал отходить назад. – Я предлагаю тебе войти в мир невозможного, где реальность – всего лишь желание, погрузиться в мир фантазий и грёз, что тебе уже не в новинку, только здесь иллюзии твои обретут своё отражение. Я предлагаю ответственность за весь мир и возможность изменить его и себя самого, ведь, как всегда говорю: «настоящий мезмеро, рождается, умирая лишь дважды». Первая заповедь нашего дома гласит, что из начала времён «любое создание ищет смысл своего существования. Но порой он приходит к нам сам. Вопреки всем ожиданиям ...

–... и даже полностью меняя представление о сущем» – закончил за него Виктор.

– Истинно так! И хоть «Судьба мира сего направлена рукой создателя, и идёт он по прямому пути как по столбу вечного дуба, но ветвь свою волен выбрать каждый сам.» Так выбирай же дитя.

– Я уже выбрал. – Вновь моргнул Виктор.

Тогда Закрин, стоя напротив алтаря, начал задавать вопросы:

– Клянёшься ли ты вечно идти по этому пути и чтить законы ордена нашего?

– Клянусь.

– Клянёшься ли ты чтить память и учение наше, во избежание прошлых ошибок?

– Клянусь.

– Клянёшься ли ты сражаться и, возможно, погибнуть за исполнение воли основателя?

– Клянусь.

– Тогда да будет так! – Закрин сложил ладони, что сделали и все старейшины. В свете уже почти зашедшего солнца образовалось свечение, и оно окружило алтарь, превратившись в стекло, покрывшее пьедестал, как аквариум.

– Как только сойдёшь с этого места, прежним ты уже не станешь! Клятвы эти ты будишь чтить до последнего своего вздоха. Сегодня мы принимаем тебя, Виктора Звоняра, в ряды ордена, и даруем тебе частицу духа и воли нашего основателя.

Стекло обратилось в зеркала и казалось, что те пели, издавая звонкие переливчатые звуки, похожие на сотни инструментов, а густой фиолетовый туман медленно проникал внутрь, до тех пор, пока полностью не исчез. Солнце зашло и наступила тишина. Зеркала издали ещё один колокольный звон, треснули и рассыпались в пыль, которая бесследно развеялась, над землей.

– Открой глаза, дитя. – Сказал Закрин, всё также стоя-

щему на алтаре Виктору. И лишь веки его поднялись, глаза блеснули темно синим светом и через несколько секунд погасли. – Добро пожаловать.

Вдруг, Закрин зевнул и, почесав затылок, медленно потянулся и добавил, скинув весь серьёзный настрой: – Ну вот и всё. Теперь ты – мезмеро! Хоть и придётся ещё освоить огромное количество всего невозможного, но ты уже один из нас. – Старейшина медленно направился к Виктору, всё ещё стоящему на пьедестале алтаря, когда члены совета уже покидали внутренний двор. Альберт тоже начал подходить, как все резко остановились. В воздухе начало ощущаться напряжение, настолько сильное, что казалось, его можно схватить рукой. Члены совета начали оглядываться, а глава посмотрел на запад, увидев странный жёлтый свет. Он сказал, чтобы Виктор срочно шёл к нему, но тот стоял на месте как оцепеневший. Желтизна начала заливать весь двор, и все увидели, как солнце вновь восходит, а пьедестал окутал не простой дымок, а непроглядный фиолетовый туман. Закрин попытался переместиться чтобы успеть забрать оттуда мальчика, но его выбили из разлома новые уже сформировавшиеся из лучей света зеркала. Тот упал на землю, смотря на солнце, имевшее нечёткие искаженные лучи как на детском рисунке. Альберт переместился к нему и помог подняться: – Что это? Я впервые вижу такое!

– Не знаю. Но это, определённо, не часть ритуала. – Отвечал Старейшина, опираясь о его плечо.

– Что нам делать?!

Они все говорили громко, пытаясь перекрыть звон, что начали издавать новые мистические зеркала. Члены совета вместе с Альбертом окружили алтарь, и принялись собирать энергию в ладонях, буквально скатывая пространство, словно нитки, создавая, тем самым, чистое искажение.

– Мы должны разбить преграду! ... На счёт три! ... Раз! Два! Три! – Скомандовал Закрин, и все ударили по цели вспышками сиреневой энергии со всех сторон, но зеркала лишь только потрескались, а в щели начал бешено засасываться густой туман.

– Это нужно остановить! Немедленно! Ещё раз!

Все вновь начали собираться с силами, но, как только дым полностью проник за зеркала, они восстановились прямо у них на глазах и начали резонировать. Грохот буквально повалил их с ног, и старейшина, собрав все силы, что у него остались, сотворил купол вокруг алтаря отражающий этот ужасный звук. Но тот, продержавшись лишь несколько секунд, не выдержав давления, взорвался, а толчок от ударной волны стал последним, что запомнили в этот день члены совета и глава административного холла. Они пали без сознания под медленно утихающий звон колоколов, а глаза Закрина медленно заполонила черная, как смола, тень.

Альберт очнулся от того, что его кто-то тормозит. К его удивлению это был Виктор. Мальчик сидел перед ним на корточках с удивлённым видом: – С тобой всё в порядке?! -

Ошарашено спросил его глава.

– Да вы буквально содрали вопрос с языка. – Шутливо ответил он, оглядывая бессознательных старейшин. – Что тут произошло? Я же ничего не сломал? – Голос его был совершенно другим. После ритуала он стал звучать громче и ниже, пропал детский оттенок интонации. Звонарь говорил четко, но всё с той же присущей ему эмоциональной окраской.

– Ты? – Греций сначала задумался, а затем поднялся с земли и увидел, что с парнем всё прошло так как полагалось. – Я думал это мы. С тобою точно всё в порядке? Ничего странного не ощущаешь? Ничего не болит?

– А с чего бы? – Улыбнулся тот в ответ.

– Да нет, ни с чего... Давай всех поднимем и пойдём в дом. Нам ещё многое надо сделать.

На улице было темно, а значит утро всё ещё не наступило. Неизвестно сколько они пролежали вот так, но сейчас не лучшее время об этом задумываться. Глава поднялся, и вместе с Виктором они привели в чувства всех членов совета, за исключением Закрина, который никак не просыпался. Пришлось вызвать медиков, и те незамедлительно явились, а уложив старейшину на образовавшиеся буквально из воздуха носилки, бригада поспешила удалиться. Альберт не знал куда ему лучше пойти, но ведь пострадавший далеко не вот этот маленький мальчик, которого нужно отвести в новый дом, поэтому он решил для начала закончить то, что ему точно по силам.

Эту ночь все ощутили по-разному. Для тех, кто крепко спал в своей постели она прошла легко, как и для кадетов на ночных курсах по освоению закрытого от посторонних глаз. Старейшина Закрин, лежащий без сознания в палате лекаря, скорее всего вообще не ощущал времени, как и другие, ожидающие его пробуждения. И лишь только Альберт не мог сомкнуть глаз этой ночью. Он ходил по своему кабинету из стороны в сторону, снова и снова прокручивая все, что произошло несколько часов назад. За всю свою долгую жизнь он повидал, как сам думал, все, но такое оказалось за гранью его представлений. Впервые ритуал, проводимый самим Мезмером из начала времён прошёл не так, как должно. Разумеется, иногда случались ошибки, но такое сложно приравнять к мелким недочётам. В голову шли мысли о том, что делать в данной ситуации, о невероятной силе, которую, возможно, мог получить ни в чём неповинный мальчик, ведь фиолетовый туман и есть те частицы духа, которые даруются новобранцу во время процесса инициации, а такое количество, такую концентрацию он не то что видит впервые, даже представить себе не мог. И, самое главное, парень словно и вовсе не заметил произошедшего, и это смущало главу ещё больше. И, хоть он понимал, что теперь правду откроет лишь время, а все его хождения из угла в угол совершенно бессмысленны, все же не мог остановиться. Всё это нависло

над ним как меч, ведь в отсутствии старейшины именно ему придётся во всём этом разбираться.

Прошла ночь. В приоткрытое окно пробивался свет, медленно доходя до кровати, на которой, в страшном беспорядке спал Виктор. Одна подушка на паласе, вторая между ног, сам он лежит по диагонали с раскинутыми руками, а одеяло наполовину скинуто на пол. Он открывает глаза и обнаруживает себя в совершенно неизвестной комнате. Вроде обстановка такая же: картина на стене, шкаф, ковёр... всё на тех же местах, но совершенно иное, другой эпохи с невероятно красивой древесной резьбой. Долго не оглядывая окружающую обстановку, мальчик от души потянулся, поднялся с постели и уже собрался одеваться как, в поисках рубашки там, где она должна была по идее быть, ещё раз убедился, что всё не так как прежде. Виктор не раздумывая подошёл к шкафу, открыл его и восторженно воскликнул: «Есть!», ведь там, в шкафу на вешалке, висела его форма. Парень впрыгнул в неё за несколько секунд, а застегнув сюртука, начал смотреть на себя в зеркало и не мог нарадоваться. Вот он, стоит в тёмно-фиолетовой форме ордена с белыми вставками по бокам, и она сидит на нём именно так, как он представлял: плечи в самый раз, ничего не стесняет, длинный сюртук ниже колен, тёмно-синие, почти чёрные туфли, натёртые до блеска, белая рубашка и чёрный тонкий галстук, всё это придавало ему совершенно новый вид. Он больше не просто какой-то мальчишка, теперь он – полноправный член мезмерского ордена!

– Стрелка та уж раскрутилась.
Ожил разом циферблат.
Судьба его уже сменилась,
И ангелы над ним кружат.
Надежды, наконец, все сбылись,
Мечтам теперь открыта дверь...
Крылья оба распрямились.
Не станет более потерь.
Нашёл я вмиг своё призванье.
Сбросил с глаз всю пелену.
Другое пойдёт от сель сказанье,
Живу же здесь я, словно сплю.

Виктор был настолько воодушевлён, что вслух прочитал стихотворение, которое раньше где-то прочёл, но и не думал, что вот так сразу запомнит. И, поглазев на себя ещё минуту, повертевшись всеми сторонами, он наконец решает выйти из комнаты и увидеть дивный новый мир. Паренёк медленно подходит к двери, выдыхает и резко открывает её. И шум суетящихся людей залетел в его комнату, слегка оглушив его от неожиданности. Ведь внутри была абсолютная тишина, и кто бы мог подумать, что такая тонкая дверь может сдерживать такой звук. Кадеты ходили по коридору, занимаясь своими делами. Кто-то переговаривался возле открытого окна, кто-то бежал на занятия, стуча каблуками туфель об пол, а справа даже практиковались в перемещении сквозь пространство.

– Давай же, Жок, ты сможешь! – Раздался смеющийся

женский голос от дальней стены коридора.

Как понял Виктор, Жок – это коротковолосый молодой человек лет шестнадцати стоящий дальше и чуть правее. Молодой человек приготовился бежать вперёд и уже встал в стойку, как олимпийский спортсмен.

– Да ладно, это же невозможно... – Говорил другой парень того же возраста сильно похожий на того самого «прыгуна». Он стоял у стены прямо рядом с комнатой Звонаря, на которой, кстати, даже было написано «Звонарь Виктор 113А», что он сам ещё и не успел заметить. – Такой прыжок не под силу даже главе Академии.

– Да откуда тебе знать, что он может, а что нет? – Встал на защиту мистера Греция собеседник на вид по старше. – У главы полтора века опыта в отличии от нас.

– Ты же знаешь сколько энергии надо собрать в одной точке чтобы вырвать кусок пространства здесь и мгновенно переместиться в разломе куда-то... а теперь представь: что с тобой будет если ты попытаешься сигануть через полторы сотни метров без специальной подготовки ещё и в одиночку?

– Раз это так опасно... – Прервал их диалог Виктор. – ...зачем тогда он это делает?

– О смотри-ка, новенький проснулся, да и прямиком на представление! – Воскликнул парень по младше, и на его лице появилась странная и немного смешная ехидная улыбка. – Привет, эм... – Он резко посмотрел на открытую дверь, – Звонарь, но лучше «Вик».

– А как ты узнал? – Удивлённо спросил его мальчик.

Улыбка на лице того не пропадала: – Так на двери же написано!

Виктор закрыл её и посмотрел: – Да, и в правду написано.

– Всё приходит с опытом. Кстати, я Жан, это Джип.

– Привет. – Протянули они руки мальчонке в знак приветствия.

– А вон тот псих – наш брат Жок.

– Очень приятно познакомиться ребята! – Улыбнувшись сказал Виктор и пожал обоим руки. – Так, а вы его не будете останавливать?

– Нет, поверь, это бесполезно. Он может учиться лишь на своих ошибках, и то не всегда выходит.

– Ну же давай! – Снова донёсся голос девушки из другого конца коридора. По Жоку было видно, что он уже вот-вот собирается сделать это, люди, ходившие туда-сюда остановились, дабы лицезреть сие чудо. И вот на месте парня остался лишь голубой дым и зеркала. «Аааа!» – раздался непонятно откуда неожиданный возглас. Посмотрев вверх, люди увидели его впечатанную в большую люстру физиономию. «Опять ты за своё Пуарье! Ничему тебя жизнь не учит!» – посмеялись они, и пошли дальше по своим делам.

– Да ладно! Всего чуть-чуть промахнулся! – Говорил он, свисая вниз.

– Да, метров так на сто! – Подбодрил его Жан. – Давай спускайся брат, хочу тебя представить новенькому. – Жок

кое-как выпутался из люстры, махнул рукой людям и соскочил на пол. – Вот, это Вик, наш новичок.

– «Вик»?

– Не бери в голову, – промолвил Джип подойдя к троице. – Жан всегда выдумывает прозвища и всякую другую чушь – это его талант, прямо как прыжки у Жока. Не зря же они близнецы.

Все три брата начали одновременно переговариваться друг с другом, активно размахивая руками и подходя всё ближе и ближе. Тогда Виктор и заметил: «А ведь и вправду. Почти как две капли воды...» – Подумал он, глядя на близнецов. У молодых людей были совершенно одинаковые черты лица, прическа и, разумеется, одежда. Вот только говорили они, хоть и похожими голосами, но с совершенно разной интонацией. Также манера движения и повадки в аккомпанемент с ниспадающей улыбочкой одного из них, сразу давали понять кто есть, кто.

Следом он перебил их спор: – Ребят, извините, но у меня вопрос. – Пуарье резко замолчали и повернули головы. – А куда мне вообще идти?

– Не волнуйся.

– Сейчас мы тебе все тут покажем! – Воодушевляющее сказали Джип и Жан. Братья тут же бросили все свои распри, и все вместе зашагали вдаль по коридору.

Но, пройдя молча всего лишь десяток метров, Жок вдруг воскликнул: – Да ладно, ребята, я ведь почти справился!

– Да-да. – Спокойно ответил Джип.

– Ну, ты переместился на семь метров вперёд и на два вверх, так что можешь считать это своим личным рекордом. – Вновь съязвил Жан.

Как только несколько перекрёстков и залов уже были позади, ребята вышли на улицу, где уже стояла масса народа, и казалось, будто те пришли на большую школьную линейку. – Смотрите-ка, походу в честь нашего новенького была собрана вся академия! Что ты умудрился сделать в первый же день?

Звонарь сначала раскрыл рот, но следом остановился, вспомнив, что Альберт строго запретил рассказывать о произошедшем. И, пока все четверо спускались вниз и глядели на собирающихся в линии людей, Джип подвел черту: – Ну, чтобы там ни было, видимо это серьёзно, иначе мистер Греций бы не устраивал всё это.

Как только в саду собралось достаточное, на его взгляд, количество человек, Альберт приступил к началу своего утреннего обращения: – Доброе утро, всем. Целью нашего сегодняшнего собрания является разъяснение нескольких вопросов и ситуаций, которые многие из вас уже могли заметить, а, если нет, то заметите в ближайшее время. Начнём с того что задний двор Административного холла закрыт для кадетов в связи со вчерашним происшествием, по причине которого старейшина до сих пор находится в ментальной коме. – Глава взял недолгую паузу, и, воспользовавшись

моментом, по толпе пополз еле заметный шепот. – Других пострадавших к счастью нет. Но до полного выяснения обстоятельств, для вашей же безопасности, никому не следует входить на эту территорию. Во-вторых, хотелось бы поприветствовать всех новоприбывших в академию курсантов и пожелать им дальнейших успехов и побед. Вся ваша жизнь полностью в ваших руках, так что не теряйте времени напрасну и приступайте к занятиям, которые, кстати, начнутся сразу после этого собрания, а всех новичков проводят до аудиторий и классов. И наконец, в-третьих, я хотел бы объявить участников следующего академического турнира среди старших курсантов.

Виктор спросил у братьев: – Что за турнир?

– Это наши групповые и одиночные культурные мероприятия для поднятия боевого духа.

– Короче говоря, самые крутые ребята в академии выезживаются и колошматят друг друга всем на забаву. – Отвечали близнецы, пока Греций зачитывал имена и звания.

– Да, – продолжал Джип, – Они оба правы... в своём роде. Одно можно сказать точно: это одно из грандиознейших представлений у нас в академии. А, если тебя выбирают в качестве участника, то значит, что ты этого определённо достоин.

– Или если у тебя талант от самого основателя! – Самодовольно добавил Жок.

– Это ты про себя сказал такие лестные слова? Зря мы

сняли его с люстры...

– У тебя тоже талант Жан! Быть клоуном!

– Разумеется, – разведя руки и подкатив глаза, молвил «клоун», – мне надо было ехать с бродячим цирком! Что я тут забыл с вами? Не понимаю...

Джип тыкнул его локтем: – Да ещё не поздно, младший.

Виктору сразу понравились братья, и даже не только потому что с ними весело. Хоть они вечно не могли найти друг с другом общий язык, ребята излучали некую теплую ауру радушия и спокойствия, и он чувствовал себя рядом с ними комфортно. Так собрание быстро подошло к концу и всех развели по аудиториям. К радости нашего новобранца всех Пуарье также завели туда, куда и его. Они были единственными курсантами, что стояли, облокотившись о правую стену. Само помещение представляло собой овальную комнату с серым матовым потолком, плавно переходящим в стены, пол ступенеобразно возвышался вверх и на каждом уровне стояли места для курсантов со столами и стульями. Третью часть занимало пустое пространство впереди, лишь с одной стоящей кафедрой по левую сторону от двери и ближе к окнам. Когда все расселись по местам, в аудиторию зашёл мужчина и закрыл за собой дверь. На вид ему было, как и Грецию, где-то лет тридцать, среднего телосложения, хотя под низким тёмно-фиолетовым сюртуком мезмеро всегда сложно было это понять, а тёмные волосы его были зачёсаны наверх.

Он быстро подошёл к кафедре и представился: – Здравствуйте ребята. От себя присоединяюсь к поздравлениям нашего уважаемого главы, и добро пожаловать. Меня зовут Леонард Краун, я – специальный лейтенант ордена, и сегодня буду вести у вас вводную лекцию по общей дисциплине. Также в аудитории присутствуют трое курсантов постарше. Я попросил братьев продемонстрировать на личном примере то, что я буду рассказывать, для большей эффектности и вашего понимая, что бы вы стремились в будущем овладеть такими же навыками, как и они. Разрешите представить вам Жана, Жока и Джипа Пуарье, они – одни из лучших курсантов шестой ступени.

Виктор такого не ожидал. Ребята показались ему простыми, слегка безответственными, очень весёлыми лоботрясами, но никак не гениями. Это заинтересовало его ещё больше, и паренёк начал стараться уловить каждое слово и движение, происходящие далее.

– Поприветствуем их, выходите на середину. – Продолжал Леонард, и показал рукой на место, куда им нужно встать. – Итак, как вы уже все знаете, мы, способны по своему желанию искажать пространство вокруг при помощи фокусировки и глубокой концентрации, заложенной в нас духовной энергии. Но как это сделать? Как можно взять и, например, создать из воздуха слой плотной материи? Джип, продемонстрируй.

Старший из Пуарье вышел чуть вперёд, согнул руки пе-

ред собой, и начал собирать воздух в плотно сжатые ладони. Сразу стали заметны линии голубой энергии, входящие в щели между его пальцами. Секунду спустя он начал раздвигать ладони и вытягивать полотно из прозрачного материала, переливающегося синим цветом под разными углами.

– Отлично! На ваших глазах он только что создал материю из пустоты при помощи своей энергии, прочность которой зависит, естественно, от вложенных усилий. Давайте все попробуем её разбить. Подходите не стесняйтесь. – Дети с радостью столпились вокруг братьев и начали трогать стекло, созданное Джипом. Кто-то постучал по нему, но оно было крепкое. В то время как все налетели на демонстратора, Виктор просто стоял и молча смотрел. – Отлично, все убедились? – Спросил Леонард толпу, на что улыбающиеся дети закивали, давая положительный ответ. – А теперь следующий вопрос. Как можно взять и создать точную копию этого стекла, не создавая его тем же путём? Как можно просто скопировать эту материю? Жок, твой черед.

Он подошёл к стеклу, созданному Джипом, и, закрыв глаза, хрустнул пальцами, от чего те слегка засияли, а в следующий момент открыл светящийся синим правый глаз, обеими руками взялся за верхние углы стекла и раскрыл его как книжку, а затем разделил обе половинки. Держа свою копию в руках, он подошёл к первому столу и продемонстрировал её новичку. Тот постучал по переливающемуся стеклу и изумлённо посмотрел на лектора.

– Жок только что продемонстрировал вам «отражение» предметов. Это было очень просто, так как сам предмет был создан его братом, а вот сделать копию чего-то «настоящего» гораздо сложнее. Минус только один – если будет уничтожен оригинал, то и копия тоже исчезнет.

– Извините, сэр, а можно мне ещё кое-что продемонстрировать? – Обратился Жок к Крауну.

– Разумеется.

– Самое сложное – создать копию чего-то живого. – Повернул он голову к зрителям и начал вести будто собственную лекцию. – Это требует большого количества тренировок, духовной силы и предельной концентрации, а также...

– Да делай уже. – Прервал Жока брат близнец. – Мы знаем какой ты у нас профессионал.

Но, лишь улыбнувшись в ответ, тот закрыл глаза, а вокруг начала собираться синяя дымка. Края его тела засветились как контуры на рисунке, и, подобно чуду, пейзаж, ожил и отделился от Жока, шагнув вперёд. Затем внутри контуров образовалось всё, что не хватало для полной картины. Перед аудиторией стояло уже не двое, а трое близнецов.

– Впечатляюще! – Захлопал Краун, увидев такую прекрасную технику. – Нечасто увидишь, чтобы курсант шестой ступени смог материализовать полноценную свою копию.

– Спасибо лейтенант. – Поклонился в ответ выступающий.

– Поздравляю с достижением, ведь «самоотражению» на-

чинают обучать только на восьмой ступени. Вы молодец, мистер Пуарье.

«Отражениями» эти подоби́я копий или же клонов, как сразу заметил Виктор, называли потому, что вся внешность иллюзиониста была зеркально отражена. У Жана и Жока есть слева над верхней губой небольшая родинка, в то время как у фантазма она была наоборот справа. Также и волосы, зачесанные в противоположную сторону, сразу выдавали фальшивку.

– А теперь вопрос номер три. Хотя здесь это скорее всего утверждение. – Продолжал вести занятие мистер Краун. – Вы видели, что можно создавать, но в основном мезмеро используют свои способности чтобы изменять мир вокруг себя. И, поверьте, это бывает далеко не проще. Жан, прошу.

Другой близнец прошёл чуть левее, со своей привычной ухмылкой вытянул правую руку и направил её на стекло. Медленно сжал кулак, вокруг которого стали заметны уже сиреневые сгустки энергии. Затем слегка взмахнул и то разлетелось в пыль. А, как только он разбил первое, само по себе исчезло и второе.

– Я уже говорил, если уничтожить оригинал, то копия тоже исчезнет. Но, думаю, с Жоком будет посложнее.

– Простите сэ́р, но продемонстрировать это на оригинале своего брата я уж не буду... Мне с ним ещё потом жить. – Подловил Жан лектора, и как обычно косо улыбаясь подошёл к клону. Положив свою руку тому на плечо, паренёк сжал

кулак и просто расколол копию Жока на горсть синих зер-
кал, упавших на землю и обратившихся в пыль, от чего но-
вобранцы враз обмелели.

– Способности искажения можно применять на настоя-
щих предметах. – Продолжал Леонард, отходя от кафедраль-
ной стойки и показывая на неё рукой. – Снаружи она из де-
рева, а внутри металлическая. Давайте посмотрим, как Жан
справится с такой задачей.

Улыбка тут же пропала с лица близнеца. Сиреневая энер-
гия вновь заструилась вокруг его правой руки. Своим сияю-
щим взглядом он будто вонзился в стойку на расстоянии. На
ней стал чётко виден полупрозрачный разлом пространства
в самом центре, который закручивался как вихрь. Чем силь-
нее Жан сжимал ладонь, тем сильнее становились завихре-
ния. Дерево начало трескаться, а металл скрипеть. Под конец,
когда разлом схлопнулся, кафедру переломило и скрючило
пополам. Выполнив поставленную перед ним задачу, шут-
ник снова приобрёл уже привыкшее выражение лица.

– Отлично, ребята, прекрасная демонстрация, больше вам
спасибо. Думаю, и вам всем понравилось, не так ли? – Ма-
ленькие мезмеро хором ответили: «Да!». – Я так и думал.
А теперь последний вопрос, и самый главный. Как им это
удалось? ... Используя силу, дарованную нам основателем,
мы искажаем пространство вокруг себя, управляем связями
между материями, создаём из пустоты почти всё что угод-
но. Именно этим и занимаются Создатели, и Джип – один из

них. Видите ли, делать все одному мезмеро не по силам, есть несколько специальностей, и представителей трех из них вы сейчас видели. Как я уже успел сказать, первая из них – это создатели, к которым относится старший мистер Пуарье. В их деле главное воображение, количество ментальной силы и правильное управление ею. Вторая специальность – это иллюзионисты, как Жок. Их обучают копированию любой материи, и, как он успешно смог продемонстрировать, даже самих себя. Для этого нужна высокая точность, концентрация и гибкость ментальных связей, к чему их приспособливают с самого начала обучения на данном курсе. А третья специальность – это проводник. – Сделал он небольшую паузу. – Все вы видели с какой лёгкостью Жан разбил стекла и отражение своего брата, им присуща возможность напрямую влиять на реальные объекты. Но, несмотря на всё, сами же они уязвимы и должны быть крайне осторожны в своих действиях. Четвертые – это чтецы, к которым я сам и отношусь. Специализация чтеца дает возможность слышать мысли других людей, а также ментально влиять на их наборы чувств и память. Все вы определитесь с тем, кем хотите стать, пройдя общую подготовку. Не волнуйтесь времени у вас хватит. Гораздо подробнее о каждой из специальностей я расскажу вам на следующих занятиях, а вводная лекция на сегодня закончена, думаю вам нужно много чего осознать после увиденного, и, если что, братья всегда ответят на ваши вопросы.

– Но, мистер Краун, вы забыли сказать о пятых. – допол-

нил Жок. И Джип толкнул его в бок локтем.

– Ах да... – Сказал он с недовольным выражением лица, и сделал небольшую паузу. – Дело в том, что представителей этой специальности не было уже больше пяти веков. И так много чего навалилось за раз. Оставим это на потом. Ещё ведь вся жизнь впереди. Ну все, дети, все свободы, жду вас завтра в этой аудитории в тоже время. Спасибо вам за помощь, господа.

– Были рады помочь сэр! – В один голос сказали братья.

Тем временем все уходили из класса, чтобы заняться своими делами, а Виктор подошёл к Джипу.

– Вот это да! – Воскликнул он. – Скорее бы научиться тому же что и вы ребята!

– Со временем сможешь. – Спокойно ответил ему старший.

Близнецы посмотрели друг на друга: – А мы его научим? – Спросил один другого.

– Да ты читаешь мои мысли, братец. – Они взяли Виктора буквально за шкуру и подошли к Леонарду. – Мистер Краун, мы решили кому станем наставниками.

Леонард стоял к ним спиной, что-то перебирая на столе: – И по какому принципу был отобран кадет?

Братья снова переглянулись, поразмыслив над ответом. Жок поднял правую руку, и, выставив указательный палец вверх, собирался что-то сказать, но брат, как обычно перебил его: – Да просто с виду хороший паренёк. Успели позна-

комиться ещё до занятий, да и, вроде, мы могли выбрать сами не зависимо от каких-то параметров...

– Что ж... это верно. – Подтвердил лейтенант и обернулся. Увидев Виктора, он вспомнил утреннее собрание для преподавателей и лейтенантов академии, на котором Альберт Греций раскрыл все обстоятельства вчерашнего происшествия, и где было велено следить за состоянием Звонаря и докладывать ему даже при незначительных отклонениях от нормы как в хорошую, так и в плохую сторону. Причина инцидента была не выяснена, поэтому нужно предпринять меры безопасности, а мальчик может оказаться нестабильным.

– Это Вик...тор Звонарь, лейтенант, и мы берём его под свою ответственность, как и было велено всем курсантом начиная с шестой ступени. – Серьёзно произнёс Жан. – И на сей раз это не шутка.

– Хорошо ребята, будьте осторожны... Думаю вы сможете позаботиться о мальчике лучше всех.

– Так точно! – Хором сказали все три брата, и отдав честь потащили Виктора, которому не дали сказать ни слова, на выход.

Спускаясь по лестнице вниз и выходя из зала на улицу, они задавали ему кучу вопросов, ведь должны же были они узнать всё о своем новоиспечённом протеже. Мальчик рассказывал про свою жизнь и про мечту стать мезмером, и с тех пор все свободное время Виктор и братья проводили вместе. Каждый нашёл в паренёке что-то своё: Жан приветствовал

хорошее чувство юмора, Жок любил поучать и даже учить всех вокруг, а «Вик» (так и прилипшее к нему прозвище), охотно его слушал. Джипа радовало открытое воображение мальчика, что давало ему хорошую возможность обсудить новые идеи по созданию отражающих форм, предметов и чего угодно, с кем-то кроме Жока с его заумными фразами. Через несколько недель, пройдя вводные курсы по специальностям, начался фестивальнй турнир в академии, где ребята несколько дней напролёт смотрели на лучших молодых представителей ордена, и все хотели стать такими же, как и они. После учебного времени четвёрка собиралась в саду на открытом месте и показывали друг-другу, чего они смогли выучить и достичь.

Год пролетел незаметно, а Альберта перестала тревожить мысль о том, что с парнем может что-то случиться. Глядя на ребят из окна своего кабинета, забавляющихся на траве в лесу неподалеку от административного холла, он улыбался, осознавая, что всё в порядке. Осталась лишь одна нерешённая проблема – Закрин. Не зависимо от того, что за ним ухаживают лучшие лекари ордена, он до сих пор не пришёл в себя. Греций приходил к нему два раза в неделю проверить изменения в его состоянии, но уходил ни с чем. Единственное что он знал точно, что тот жив, и рано или поздно «вернётся к ним и снова будет жаловаться на свой пожилой возраст и старые колени.» – с улыбкой думал он в очередной раз выходя из палаты.

«Познавая тайны мира сего, не стремись раскрыть их все без остатка. В стараниях же достичь чего-либо, не жертвуй тем что дорого. Ибо каждая частица познания ляжет грузом на уме, а радость от приобретённого не перекроет боль утраты былого».

Пятая заповедь книги Мезмеро

Акт второй

Счастье в неведении.

Что может быть лучше, чем ясный солнечный летний день на природе? Лишь только пикник с друзьями в тот самый солнечный день. В это время года сады в академии ордена расцветают всеми возможными цветами, а, проходя по алее, кажется, что ты попал в картину художника, не жалеющего красок. Огромные вековые дубы такой ширины, что вокруг можно водить хороводы, возвышаются ввысь до самых облаков, образуя подобие стены между землей и небом. Невероятное количество лиственных деревьев всех мастей также цветут по бокам этого «моста», создавая тем самым сказочный лес, в котором живут многие виды безобидных животных, таких как кролики, ежи или олени. Всё это предавало саду райский вид, даровавший умиротворение всем, кто в него заходил и проводил хотя бы десять минут в его пределах. Для Виктора, за пять лет в стенах ордена, это место

всё ещё казалось таким же сказочным и необычным, ведь никогда не знаешь, что здесь будет в следующий раз, когда они сюда вернуться, а вот для братьев Пуарье, к тому времени уже заканчивающими двенадцатую финальную ступень академии и готовящимися сдавать экзамены на младших лейтенантов, вся здешняя жизнь уже успела приестся до полного однообразия. Жан, как обычно подшучивал над Жоком, флиртующим уже далеко не с Розой, ради которой он старался пять лет назад, а с очередной пассией, приглянувшейся его всё ещё молодому взгляду. Ругали его братья за это дело далеко не просто так, ведь он буквально играл с огнём. Любовь и отношения – смертельно опасные вещи для мезмеро, и все, в основном, стараются их избежать. А он же наоборот, летел, словно мотылёк на яркий свет, хоть и понимал, что если его сердце разобьётся, то назад уже, увы, не склеить. А для их рода такое чаще всего оказывается смертельным. Ну а, в то время как Джип со своей невестой Лизой мастерили из воздуха стол, стул, тарелку, ложку, вилку и всю остальную утварь в единичном экземпляре, необходимую для проведения их коллективного мероприятия, Звонарь отправился вглубь леса, чтобы найти хвороста и, если повезёт, немного дров для разведения костра, чтобы на нём Жан мог пожарить мясо, которое вечно откуда-то достаёт для вылазок на природу. У всех было ощущение, что он либо чрезвычайно талантливо ворует его из академической столовой, что его никогда не ловили за руку и не обнаруживали пропажу, либо

где-то в стенах ордена для него и исключительно для него работает магазинчик свежей вырезки, который никто никогда не видел. Но жаловаться на это и не думали, ведь какой же пикник, а тем более с ночёвкой на природе, без сочного шашлыка на костре по специальному рецепту самого Жана Пуарье. Общие знакомые четверки всегда говорили ему, что, если, вдруг, по какой-то причине он не пройдёт экзамены на лейтенанта, то всегда может пойти в повара и в будущем открыть свой ресторанчик где-то в уютном краю дома, на что он не знал, как отреагировать, ведь в этой шутке была очень большая доля правды. Найдя всё что хотел, Виктор вернулся в лагерь, где его уже ждали

– Ты что нашёл там ёжика, у которого была в лапке заноза, и пол часа пытался его спасти? – Рассмеялся великий повар, стоило тому завидеть молодого егеря.

– Молодец, наконец твои шутки стали хоть чуть смешными! – С мешком бревен и хвороста на спине улыбался ему в ответ Виктор. Подойдя к предполагаемому месту костра, он бросил его на землю. – Работай, зажигалка.

Жан тут же бросился к брёвнам. Ладонь его сжалась в кулак, и вспыхнул большой костёр. Он бегал вокруг него с причитаниями «о да» пытаясь контролировать огонь. – Эй новобранцы, вы забыли сделать мне мангал!

Лиза, занимаясь столом, ответила спокойно и невозмутимо: – Естественно. На третий раз мы поняли, что какой бы мы с Джипом тебе не сделали, ты все равно проплавишь его

до земли. Так жарь сразу на ней, чего уж там.

Виктор втёрся в разговор: – Так они же ещё не обвенчались... или я что-то пропустил пока уходил в чашу?

– Да просто Жану завидно, что он так и не обрёл свою спутницу жизни. – С ангельским акцентом промолвил, идущий к стулу, Жок.

Жан фыркнул: – Ну я же не такой идиот, как ты, братец! Уже сбился со счета какая это у тебя попытка.

– Ты их считал? – Спросил шутника Виктор, пока та самая новая пассия окинула Жока очень недоверчивым взглядом.

– Вот! Никто никогда меня не понимает. Давайте-ка приступайте к своим обязанностям! Вилки и стулья сами собой не помножаться. Нас тут аж ... раз...два... а посчитайте, а то я в этом не очень силён.

Жок вздохнул и, подойдя к столу, начал растаскивать стулья и посуду так, что в одно мгновение уже было всего по шесть. А, как только повар доделал свой шедевр, все расселись за стол и приступили к трапезе. Жан никогда не спрашивал, как всем по вкусу его кулинарное творение, было достаточно лишь посмотреть на их довольные, уплетающие ужин лица. А плотно поев, ребята, кто, присев, а кто, уволившись прямо на траву возле костра, начали рассказывать истории. Джип с Лизой вспомнили одну странную теорию, которая была очень даже интересная, Жок последние сплетни, услышанные им в академии, а Жан страшные истории про всяких монстров и чудовищ, якобы бродивших по саду

по ночам. Когда очередь дошла до Звонаря, он начал рассказывать одну из дедушкиных сказок, которые помнил наизусть, но буквально на кульминации, он резко остановился, почувствовав что-то странное. Вокруг за клубился густой фиолетовый дым. Виктор спрашивал у ребят что происходит, но все как будто застыли. Резкая паника охватила молодого человека, и он подскочил с места и попятился назад. Нежданный туман, не останавливаясь, преследовал его, и парень развернулся, чтобы убежать прочь, как, вдруг, Закрин в той самой белой рясе, преградил тому путь. Старейшина медленно поднял правую руку, указывая на запад, и взгляд Виктора, будто заворожённый проследовал по направлению. Яркое желтое солнце с закруглёнными лучами вошло над деревьями, и свет его озарил всю широкую поляну. Со всех сторон кружился густой фиолетовый туман. Парень сосредоточился и оглядываясь пытался понять, что происходит, как услышал тихий колокольный звон. Над ним висел огромный зеркальный крест, вмиг упавший и хлопнувший его со всех сторон. Виктор бил клетку изнутри, пытаясь выбраться, и от ударов зеркала треснули, а дым хлынул внутрь.

С криком тот подлетел с земли на которой лежал. Оглушающей волной он развеял искажениями стол и стулья, задув костёр и оглушив не ожидавших такого братьев, сидящих неподалёку. Виктор метался, пытаясь отдышаться, и Джип с близнецами разом переместились к нему, приводя его в чувства:

– Опять кошмар?

– Тихо, тихо!

– Всё в порядке, друг! Всё закончилось. – Говорили они, окружая шокированного молодого человека.

Виктор, увидел их и немного пришёл в себя, а, перестав топтаться на месте, опустил руки.

– Прости, ты уснул от моих страшилок, и мы не стали тебя будить...

– ...Мне стало сниться это почти каждую ночь... каждую ночь. Я пытаюсь сопротивляться, но потом всегда одно и то же!

Лиза помогла подняться другой девушке: – Джип... Джип можно тебя на секунду? -Старший подошёл, и она сразу настороженно отвела его чуть подальше. – Милый, что это было?

– С ним это твориться уже почти месяц, мы не знаем, как помочь.

– Кто он?

Брови парня сразу приподнялись: – В смысле? Это же Вик...

– Ты понял, о чем я, не прикидывайся глупым. – Девушка показала рукой на дымящееся кострище и тихо продолжила. – до этого я видела, как он притащил кучу брёвен в созданном им мешке, но не обратила должного внимания, а теперь это...

Джип обнял её, прикрывая их небольшой семейный скан-

дал: – Милая, ты только не бойся, тут такое дело...

Но она перебила его: – Прости, я знаю, что он в конце прошлого года только получил специализацию. Ты меня знаешь, я не паникёрша, и упаси основатель, чтобы я была права, но, возможно, он зря с ней так долго мучился...

– Да нет, всё будет хорошо.

– Да он только что снёс всё что мы настроили... под чистую. Причём вместе с нами, Джипи!

– Я знаю Виктора пол жизни, и поверь, специальность проводника ему даётся хуже всего.

– Да... Я заметила. – С явным сарказмом, сказа Лиза.

– Ты не должна никому рассказывать о том, что ты сегодня видела. Он же нам как родной, мы во всем разберёмся. Пожалуйста...

– Я и не собиралась! – Погладила она того сзади по волосам. – Просто говорю, чтобы ты был осторожен.

– Буду! – Старший поцеловал её в лоб и отошёл назад к близнецам, которые вели Звонаря в палатку.

Взяв обещание, что тот больше не будет ничего разносить хотя бы без предупреждения, они уложили его спать, посыпав заранее припасённым сонным порошком, и парень сразу закрыл глаза и уснул.

Выйдя из палатки Джип подошёл к братьям и осторожно намекнул: – Жок, побеседуй со своей подружкой.

Тот кивнул в ответ: – Будет сделано. Хорошо, что она не семь пядей во лбу... а что Лиза?

– Всё нормально, я уже поговорил с ней. Пока останусь на стрёме, если что – создам поле вокруг него. Если не проснётся в течении полу часа – значит всё нормально.

Как и обещал, через пол часа Джип тоже к ним присоединился и, ещё некоторое время посидев у вновь зажжённого огня, все разошлись по палаткам. Впереди была долгая субботняя ночь.

А на утро яркий свет и громкий шорох заставили Виктора открыть, слипшиеся от сонного порошка, глаза. Он медленно поднялся и вышел из палатки. Братья, как обычно с задором, собирались отчаливать назад до Академического общежития. Жок, а точнее трое Жоков собирали палатки, которые, кстати говоря, были абсолютно настоящими, так как заснув, все то, что сотворил создатель исчезает, и хоть лежать под открытым небом – это здорово, но никак не хочется проснуться от того, что резко упал на голую траву, да и вдруг дождь или ещё что-нибудь. Джип с невестой собирали все оставшееся по сумкам, а Жан, стоя на дереве, руководил процессом, как пиратский капитан матросами, за что уже несколько раз уворачивался от летящих в него предметов. Но всё это предавало довольно весёлую и разряженную атмосферу, до тех пор, пока Лиза не заметила Виктора. Её улыбка сразу пропала, и она медленно, дотронувшись до спины Джипа, отошла за ещё одной сумкой. Жан замолчал, а двое отражений распались на стекла и дым.

– Доброе утро... извините за то, что произошло вчера...

мне очень жаль.

– Да ладно не бери в голову, дружище. – Спускаясь с дерева и кряхтя, промолвил Жан. – Ты как сам?

Виктор погладил ладонью шею: – Да вроде в порядке!

– Ну вот и замечательно! Давай, помогай собираться, нам ещё назад топать.

Как раз к тому времени, как Звонарь подготовил свою сумку, ребята выдвинулись и направились назад к Административному холлу. Вновь они покидали эту прекрасную поляну, которую братья Пуарье и Виктор обнаружили три года назад, задумав найти место в лесу, на котором никто ещё никогда не бывал и, проведя три дня в поисках, пройдя множество извилистых дорог, всё-таки сделали это. Большая густая поляна, окружённая высокими деревьями с растущим посередине огромным дубом, выглядела словно неповторимо прекрасная картина неизвестного художника, которая висит в коридоре общежития. Впечатление от увиденного ввело их в ступор на несколько минут. «Ну чего вы застыли?» – спросил их Жан, облокотившись на ветку, из-за чего та согнулась, а он, не удержавшись, шмякнулся на землю. «Никто ничего не видел...» – сказал он, вставая и отряхиваясь. Парни просто переглянулись, и, даже не улыбнувшись, поспешно вошли на поляну. С тех пор по каждому поводу и без повода они приходили туда, чтобы отдохнуть и воспарять духом от назойливых изнурительных тренировок и занятий.

Главное здание академии уже виднелось, когда ребята

взошли на пригорок. Подходя всё ближе и ближе, братья становились всё тише, и начинали переговариваться между собой почти неразличимой мимикой лица. В итоге все выбрали Жана, так как он единственный был без пары, ну или потому что всё время ничего не делал в лагере. Тот качнул головой, подкатил глаза в своей противной манере и, уменьшив шаг, поравнялся с Виком: – Слушай, мы с ребятами посоветовались и...

– Да знаю я. – Прервал Звонарь его заботливые нравоучения. – Вся эта моя проблема со сном уже какая-то нездоровая.

Младший улыбнулся и хлопнул того по плечу: – Я рад, что ты всё понимаешь. Мы договоримся с Леонардом, он примет тебя, и разберётся в чем проблема.

– Спасибо, но я лучше обращусь к мистеру Грецию, он когда-то говорил, что если... вдруг, мне понадобится помощь, то я могу к нему обратиться.

Лицо Жана резко изменилось. Словно волна прокатилась от его лба до подбородка и смыла всю радость. Он слегка нахмурился и покосился на парня: – А чего ты раньше ждал, если у тебя такие связи? Тебе больше нравилось мучатся?!

– Да нет же! – Засмеялся тот в ответ, и указал рукой на приближающееся здание Академического холла. – Просто неудобно было обращаться по всяким пустякам... Вот только после вчерашнего мне кажется, что это уже сложно так назвать.

– Не волнуйся, уж кто–кто, а наш глава точно разберётся в чем проблема, и как её решить. – Младший подвел итог, и, закрыв глаза, с чувством выполненного долга слегка поднял голову вверх и ускорил шаг. Но, пока не глядя нагонял брата, наскочил правой ногой на большую ветку. «Твою жжешь ... тыковку!» – Ругнулся, падая вниз, а затем силовой волной оттолкнулся от земли. «Валяется тут всякая шляпа!» – пнул он деревяшку куда подальше.

Проходя по площади, здороваясь и приветствуя всех знакомых, они вновь медленно вливались в повседневную жизнь. Последний выходной день, и все отдыхали пока могли и как могли. Высокие широкоплечие парни с восьмой и девятой ступени играли в прятки с ребятами с первой и второй. Другие же занимались с наставниками, как Звонарь в своё время. Многие просто прогуливались на свежем воздухе в весёлой компании возле фонтана. Но главное, что сразу бросалось в глаза, это то, что во всех коллективах всех возрастов всегда царило дружелюбие и миролюбивость. Не сказать, что отношения были тихие и спокойные, но люди в тёмно-фиолетовой форме всегда относились к другим с добротой и пониманием. Этому начинают учить детей дома с самого начала, прививать им чувство достоинства и принципы, по которым нужно хранить своё и не рушить чужое без причины. И хоть это не совсем относится к Жану, вечно подначивающему любого, если ему дать хоть малейший шанс, но он также всегда знает меру, и, если, вдруг, он как-то её слу-

чайно пересечет, то обязательно попросит прощения, и это ни капельки не заденет его самолюбия, так как это произошло по его и только его вине. Также и любой курсант академии, независимо от своего возраста или ранга, чувствует себя равным по статусу и может рассчитывать на понимание и поддержку других, что иногда бывает исключительно важно и крайне необходимо.

Ребята зашли в здание вместе, но, попрощавшись и пожелав Виктору удачи, разошлись на лестнице по разным этажам. Виктор поднялся туда, где жили все курсанты шестой ступени, и зашёл в свою комнату. Бросив рюкзак на пол возле шкафа, он плюхнулся на кровать лицом вниз, размышляя и просматривая все возможные варианты развития событий с момента, как он сейчас выйдет из комнаты и направится на верхний этаж к кабинету Альберта Греция. Что он может сказать, каждую его реакцию. Просмотрев, как он думал, все варианты, и, придумав ответы на каждый возможный вопрос, Звонарь поднялся с постели, подошёл к стенному шкафу и, отодвинув раздвижную дверцу, взял свою мезмерскую форму. Переодевшись и выйдя из комнаты, снова пошёл к лестнице, а поднявшись на двенадцатый этаж и подойдя к комнате главы, он поднял руку, чтобы постучать в дверь и, к своему собственному удивлению, оцепенел. «Ну ты и слабак» подумал Виктор сам на себя и, пересилив непонятное чувство, зашёл в кабинет, даже забыв постучать.

– Добрый день, с каким вы ко мне вопросом на сей раз? –

спросил его Греций, оборачиваясь от книжной полки. – Оу, Виктор, а я думал это опять ко мне кто-то пришёл из бухгалтерии... Проходи, присаживайся. – Парень осторожно зашёл и присел на кожаный диван, стоящий посередине кабинета. – Я сам на днях хотел тебя вызвать, у меня хорошие новости!

– Какие? – Удивлённо спросил его Вик.

Альберт положил папку на место и закрыл дверцу стеклянного шкафа: – Закрин! У него улучшается состояние. Впервые за пять лет! И врачи говорят, что ему становится лучше. Я уже был у него. Конечно, всё ещё без сознания, но прогнозы очень обнадеживающие!

– Ого, вот это новости, мистер Греций!

– Виктор, я уже в пятидесятый раз тебя прошу называть меня по имени. – Улыбался он, садясь в своё большое черное кожаное кресло. – Я же тебя называю по имени, да и ты знаешь, что, когда молодёжь обращается ко мне по фамилии я чувствую себя старым как тот дуб рядом с площадью.

Звонарь улыбнулся, услышав про это дерево именно от него: – Так вы же сами его посадили, сэр.

– Ах да, как я мог забыть! – Он облокотился на спинку так, что показалось он сейчас в неё провалится. – Ну да ладно. Ты же пришёл не слушать байки про утекшие годы моей юности. С каким вопросом ты пришёл ко мне?

Тут же улыбка с лица Виктора пропала. Он присел по удобнее и начал свой неприятный рассказ: – Да... Так вот. Уже несколько недель меня мучают странные сны, от кото-

рых я просыпаюсь весь в холодном поту. А точнее это не сны... а один сон. Один и тот же. Каждый раз в разных вариациях, но заканчивается всё одинаково. Я оказываюсь заперти внутри зеркал, они трескаются и внутрь заливается какой-то дым. Когда он уже подходит к животу, я нахожу силы, чтобы выбраться из кошмара, и просыпаюсь.

Выражение лица Альберта изменилось, словно он только что съел кислющий лимон целиком вместе с кожурой. Он медленно выпрыгнул из спинки кресла и положил руки на стол: – Ты выбираешься из зеркал?

– Нет, я просто просыпаюсь. А есть разница? – Но Греций понимал, что парень описывает те самые моменты пятилетней давности, за которые он уже сам и позабыл. И, пока Виктор продолжал свою мысль, глава, сложив обе руки возле лица, слушал его, но не вслушивался, а продумывал дальнейшие возможные действия. -... И вот в последний раз я...

Но парень не смог закончить рассказ. Альберт, поняв, что утаивать от него правду не имеет никакого смысла, поднялся с кресла и пошёл к нему: – Это не кошмар, это воспоминание.

Виктор не совсем понял: – Воспоминание?

– Да... Как ты знаешь, пять лет назад был инцидент, из-за которого Закрин сейчас находится в пункте врачей.

– Да, разумеется.

Альберт присел рядом с ним на диване: – Ты ничего не помнил, и я не стал рассказывать никому, правду о произо-

шедшем. И не собираюсь, так как никому ничего хорошего это не принесёт. Но теперь мне кажется, что пора. – Звонарь от такого даже слегка побледнел. – Дело в том, что всё это произошло во время твоего посвящения. Всё прошло практически идеально, но вдруг случилось то, что даже Закрин видел впервые в своей жизни. Целый год после инцидента я пытался найти записи об этом загадочном явлении, но безуспешно. Ты этого не помнишь, так как ещё не пришёл в себя после обряда, а то, что видишь во сне – это и есть процесс посвящения. Тебя окружают зеркала и впускают фиолетовый туман, так усваивается разрозненная частица души основателя и сила, дарованная ею. Но, в твоём случае, по неизвестным причинам, цикл повторился, и начали происходить невероятные вещи. Ты впитал столько тумана, что я несколько лет пристально следил за тобой, и, лишь убедившись в том, что с всё в порядке, смог наконец успокоиться.

Виктор оперся о колени и опустил голову: – Так это я?! Это я виноват в том, что случилось с Заκριном?

– Нет-нет. Здесь нет ни капли твоей вины. Отчасти он виноват сам, а отчасти я. – Показывал глава руками.

– В смысле?

– Мы должны были как-то остановить это. Я настоял, чтобы мы разбили зеркала, и это было большой ошибкой. Точно не помню, но от нашего удара они начали издавать страшный звук, и Закрин решил закрыть тот отражающим куполом. А в итоге он только усилил эффект и произошёл мощный взрыв,

который-то и слышали все в академии. Что было дальше я не знаю. Очнулся, когда...

– Я разбудил вас... – Вспомнил Звонарь первое, что увидел, когда стал мезмеро.

Альберт кивнул и положил тому руку на плечо: – Да. Именно так. И, на мой взгляд, ты уже готов узнать, что произошло на самом деле, а заодно рассказать и нам.

– И что мне делать?

– Принять. – Ровным и спокойным тоном сказал он. – Ты всегда бежал от этого сна, попробуй же его пройти. Узри то что хочет твоё подсознание, и тогда существование этого кошмара потеряет всяческий смысл.

– А это не опасно?

Греций поднялся с места: – Может быть. Но гораздо опаснее не давать себе вспомнить. Или ты хочешь каждую ночь просыпаться от ...

– Нет... вот таких «просыпаний» мне уже достаточно. – Закачал парень головой.

– Ну тогда, да будет так. Посиди пока тут, а я схожу за лейтенантом Крауном. В таких делах необходимо присутствие чтеца.

– Так точно сэр. – Вздохнув, без особого энтузиазма сказал Виктор. Альберт вышел за дверь и направился в зал испытаний чтобы найти Леонарда.

Оставшись один в кабинете, Звонарь не знал, чем себя занять. Ожидание стало для него самой страшной пыткой за

последние пять лет. Каждый раз, сдавая проходной экзамен на следующую ступень академии, он наблюдал за всем происходящим, ожидая своей очереди. После каждого, выходящего из аудитории, успешно прошедшего экзамен курсанта, он думал: «а смогу ли я так же?», и «не опозорюсь ли перед всеми в группе?» После каждого завалившего, он думал: «а не сделаю ли я ещё хуже?». В итоге, как можно заметить, хороших мыслей и особой уверенности в себе Виктор за годы подрастерял. Началось всё с того, как его резкую энергичность приструнили на первом же практическом занятии по рассеиванию лёгких частиц. И дело совершенно не в том, что он что-то напортачил, а даже наоборот. Целью сего, должно сказать, совершенно простейшего упражнения являлась простая фокусировка на предмете, созданного одним из преподавателей. Просто сосредоточить своё внимание на самой прозрачной части, и, в итоге, если применить достаточно силы, предмет просто разлетится и не соберётся назад воедино. Так обучают новичков академии применять свои будущие навыки целесообразно, а также умению измерять силу, чтобы избежать травм. Итак, будучи совершенно несносным мальчишкой, полностью уверенным в своих силах и, к тому времени, уже натренировавшимся с братьями, Виктор пожелал выйти первым. Его пропустили к стойке, за которой на стуле стояла на углу корешка полупрозрачная книга. Он пару раз моргнул, стряхнул с левого плеча сюртука воображаемую пыль, как это делает педантичный Сергей Алтейский, а

затем сфокусировал взгляд на книге. Разглядев в самом центре прозрачную малую полость, как ему и говорили, мысленно протянул к ней руку и дотронулся пальцем прямо туда. Если от этого книга не распалась, значит усилие было недостаточно, что именно и произошло. Виктор попробовал снова. На сей раз усилие было чуть больше, и книга, огромным количеством частичек разлетелась во все стороны. Но, когда мальчик уже хотел улыбнуться и развернуться к группе, та вновь собралась воедино на стуле. «Должно быть нужно ещё сильнее» подумал он, и проделал это снова. Книга опять восстановилась. А затем опять и опять. «Как же так, ведь я сам вызвался, а в итоге не могу ничего сделать, и всё из-за какой-то дурацкой книжки.» – Мальца это задело, и он, не думая, выставил правую руку вперед. Хоть Виктор и находился в двух метрах от предмета и явно не мог коснуться его, призрачную книгу резко разорвало, а стул отлетел ещё на метр вперёд. «На тебе!» – Сказал он и, радуясь и улыбаясь, развернулся и пошёл назад к группе, вот только лектор остановил его, и сказал, что требовал совершенно не этого. А новичок совершил главную ошибку, которую настоящий мезмеро себе позволить не может – не рассчитать силу. «Да, это безусловно хорошо, что вы можете расшвыривать стулья по залу, но это вам совершенно не поможет, ведь главное не сила, а её точное применение. Если сильно толкнуть человека, он может встать и ударить в ответ, а вот если приложить хотя бы десятую долю той силы в самую уяз-

вимую точку, то ответных мер уже не последует.» – проучили Звонаря, и, согнув левую руку, учитель щелкнул пальцами, и, валяющийся на полу стул, разлетелся в щепки. «А вас, молодой человек, я направляю на специализацию проводников, думаю, там вас сразу научат уму-разуму». Вот так, пройдя основной курс подготовки, Виктор попал на занятия по разрушению отражений, в которых ему не было равных, до тех пор, пока не дошло до прямого влияния на настоящие предметы. Сколько бы он не старался, а труба как была ровной, так и осталась. Перепробовав все возможные способы и знакомые ему техники, ничего с вещами от его потуг не случилось, кроме того, что он разбил окно подшвырнутым стальным шаром. Здесь стало понятно: проводник из него не очень. Но ничего, Звонарь попытал удачу в другой стезе. Он никогда не понимал к чему его больше тянет к хаосу или же порядку, по сему решил податься в совершенно противоположный стиль. Опять же, блестяще завершив все подготовительные тренировки специальности создателя, он полностью провалил задачу по перемещению отраженных предметов. Создать он мог практически все что угодно, начиная со всякой мелочи, как тот самый мешок в лесу, до большого валуна, вот только проблема была в том, что никак, кроме физически, влиять на свои творения он не мог, хотя, по идее должен был вполне уметь. В иллюзионисты тот не пошел сразу, там надо быть сильно хитрым, а также невероятно талантливым и каждый день тренироваться в контроле даже ма-

лейшего сгустка энергии на кончике пальца правой ноги, а у Виктора с рождения крепкие ментальной связи, да настолько, что он вообще не представляет, как Жок такое вытворяет. В итоге на шестую ступень Звонарь прошёл, лишь только сдав предварительные тесты на чтеца, самую скучную, по его мнению, специальность, ведь «тихо и без шума» – это было совершенно не про его натуру. Но выбора особого не было. Пройдя пять лет обучения, парень вынес достаточную кучу уроков, и хоть было много радостных и счастливых моментов, больше же было неудач, боли от разочарований и потерь. Так вот и поверил он, в слова, сказанные ему Закрином: «Жизнь мезмеро не сказка».

Метаясь из угла в угол, рассматривая всякие новые безделушки на столе главы, Виктор мучительно ожидал, пока Альберт найдёт Леонарда, и вместе придут решать его дальнейшую судьбу, в то время как они уже быстро поднимались по лестнице с первого на двенадцатый этаж: – Итак, ты знаешь, что от тебя требуется. – С вопросительным подобием утверждения обратился к Крауну Греций, на что получил в ответ другое очень похожее:

– А ты сам то хоть знаешь, что от меня требуется?

– Без понятия... Но, а что ты предлагаешь? Старейшина совета уже пять лет лежит в лазарете, и мы совершенно не можем ничего сделать! А у этого бедняги возможно есть ответы на все вопросы. Он уже не маленький, и ему тоже нужна помощь.

– Я всё прекрасно понимаю, но парень может заплатить за это дорогую цену.

– Да ладно, ты же не собираешься вживлять ему воспоминания? Память сама к нему вернётся, рано или поздно. И, как я уже понял, самостоятельный процесс проходит для него очень болезненно, так что это будет панацеей от всех проблем.

– Ладно я не буду входить с тобой в философские перепалки, ибо знаю, что это ничего не решит, ведь если ты что-то задумал, то тебя уже не остановить. Да и, думаю, на сей раз, тут действительно нету выбора. Я постараюсь сделать всё что в моих силах.

– Именно это мне и нужно.

Наконец добравшись до нужного этажа, они по-тихому, во избежание лишних вопросов, прошли мимо кабинетов других административных лиц и подошли к двери главы. Альберт медленно отворил дверь, и застал Виктора, сидящего за его столом и тыкающего на кнопки компьютера.

– Это... я и не думал ничего делать, но оно всё загорелось и начало говорить со мной... – С неописуемым удивлением на лице молвил парень, подскакивая с кресла.

Альберт закрыл дверь и улыбнулся, давая понять, что он никак не против: – Это то, что я недавно принес из-за внешнего круга. Называется "электронно-вычислительная машина".

– Это магия? Вот-вот, смотрите! Оно опять двигается. –

Тыкал Звонарь пальцем в экран.

– Нет конечно, обычным людям не дана такая сила, зато у них есть достижения научного прогресса.

Виктор не понял, что это значит и переспросил: – То есть магия?

– Да нет же... – зашёл глава с другого бока, пока Леонард усаживался в кресло рядом с диваном. – Ну, не совсем.

Звонарь оторвал глаза от экрана и увидел специального лейтенанта: – Простите за бестактность, сэр.

– Да-да, Виктор, не волнуйся, всё хорошо. – Отозвался Краун. – Пожалуйста присаживайся. – Альберт отвел парня от чуда аппарата и посадил на диван. Леонард придвинулся ближе на кресле. – А лучше приляг.

Виктор покачал головой: – Нет, спасибо, если я лягу, то усну, а вы этого не хотите, поверьте.

– Именно этого мы и будем сейчас добиваться. – Спокойно ответил Леонард.

– Не волнуйся, мистер Краун в курсе всего. Да и как ты собирался увидеть сон, не засыпая? – Успокаивал его глава. – Понимаешь, в тот вечер произошло что-то, что ты забыл специально, или оно само ушло из твоей памяти, но теперь разум пытается вернуть все на место. Проблемы у тебя возникли из-за того, что ты мешаешь сам себе. Поэтому и снятся эти жуткие сны.

– Не думал, что мелочь может вызвать такое. – Говорил Виктор, укладывая голову по удобнее на маленькую подуш-

ку.

Леонард подался чуть вперёд: – Поверь мне, это совсем не мелочь. "Искомый враг порою кроется не под маской и тенями, а на другой стороне зеркал».

Звонарь, разумеется подтвердил, ведь не имеет он права оспаривать заповеди книги мезмеро: – Да, порой мы мешаем сами себе.

– Верно. А теперь закрой глаза и ничего не бойся, слушай меня и делай так, как я скажу.

Глаза Леонарда сверкнули алым, и, когда веки юноши опустились, лейтенант вслух посчитал до трёх. Как и предполагал Альбер, чтецу хватило и пары секунд чтобы усыпить не сопротивляющегося человека. – Я буду стараться видеть всё, что видишь ты, просто плыви по течению, а если пойдёт что-то не так, мы тебя вытащим. – Греций ушёл назад и сел за свой стол, понимая, что далее от него уже ничего не зависит.

Звонарь шел по улице вдоль торгового квартала, на котором он уже не был более пяти лет. Он почти ни капли не изменился, все те же здания и палатки, люди, суетливо бегающие между бакалеями и магазинами за нужными им товарами, всё именно так как он помнил. Вдруг, проходя дальше и углубляясь в толпу, парень заметил дедушку Абрахама, которого послали на миссию во внешний круг уже более трех лет назад. Он захотел догнать его, расспросить обо всём, но чем быстрее Виктор пытался идти, тем дальше от цели становился. Поняв, что вот-вот потеряет его из виду и затеря-

ется в толпе, Виктор побежал. И, будучи уже в нескольких метрах, старец резко свернул направо, а парень остановился, и вместе с ним замерли все люди вокруг. Пока Абрахам шел в узком темном переулке, Звонарь, пройдя сквозь застывшие силуэты, переступил через тень: – Деда... – Сказал он, протянув руку вперёд, на что тот обернулся.

– Не беспокойся дитя моё. – Говорил старец, глядя на своего внука. – Когда подрастёшь и вспомнишь мой рассказ, тогда-то и поймёшь его смысл.

– Что? – Переспросил Виктор, подходя ближе, но, вдруг, Абрахам исчез, обратившись в густой фиолетовый дым. Над парнем нависли те самые зеркала. Вот оно, то, от чего он бежит уже несколько недель, то, ради чего сейчас здесь. «Ну взглянем же что у нас на той стороне...» – думал Виктор, стоя совершенно неподвижно и закрыв глаза. На сей раз зеркала опустились медленно, ведь гнаться уже не имело смысла, а, когда сновидец оказался заточён, дым начал заполнять всё пространство. Звонарь вдохнул темный туман и погрузился в него с головой.

В чёрной пустоте проносились тысячи картин событий, безголосые отрывки действий и переливы красок, а в ушах обосновались застывшие голоса. Ничего нельзя было разобрать сквозь подобный хаос. Если можно было бы хоть немного замедлить проносящиеся образы, то он бы смог что-то разобрать, но как не пытался сконцентрироваться на этом, всё становилось только хуже, они, словно намерено, рвались

в его разум. Когда его голову уже начинало разрывать от количества непонятной разрозненной информации, Виктор просто перестал сопротивляться и поддался давлению. В тот же момент всё остановилось. Образы, воспоминания, неизвестные ему, повисли в воздухе, застывшие и молчащие. Белая рама с золотыми вставками медленно планировала перед ним, а внутри вместо полотна, те самые воспоминания, словно живые картины. Звонарь мысленно к ней потянулся вмиг оказался на заднем дворе в центре круга совета, а Закрин уже задавал заключительные вопросы. Вот только глаза старейшины словно глядели насквозь. Тогда Виктор обернулся и увидел самого себя пять лет тому назад, стоящего на алтаре. Картинка слегка промоталась вперёд, и аномальное желтое солнце вошло над горизонтом, а дым кружился вокруг зеркал. Совет попытался вытащить его из заточения и потерпел неудачу, как и рассказывал Альберт. Вот все освободители пали от мощи ударной волны, и наступил момент истины. Дым полностью впитался в зеркальный шкаф, прошло мгновение, и они разлетелись на десятки осколков, а затем застыли в воздухе. На пьедестале неподвижно стоял маленький мальчик. Звонарь прекрасно понимал, что это всего лишь воспоминание, поэтому без малейшей опаски подошёл к алтарю, но, отнюдь, двойник, широко распахнув глаза, обеими руками схватил того за предплечья. Лицо того страшно исказилось в диком оскале и морщинах, начинающихся от кончика носа, заканчивающихся на краю лба, взгляд пылал

ярким фиолетовым пламенем, а руки походили на ссохшиеся кости, покрытые кожей. Ужас, словно гигантской волной, окатил Виктора, пока двойник держал его так крепко, что тот не мог двинуться с места. Он попытался как-то отбиться, вырваться из цепких лап чудовища, но в кожу на руках вонзились острые и тонкие, как иглы, когти, появившиеся на руках монстра, от чего напуганный парень застыл как вкопанный. Но, перестав тот двигаться, хватка чудовища начала слабеть, и, пока парень полностью не отбросил все оковы страха, двойник не отпускал его рук. Ужас ушёл, как и то, что впивалось ему в кожу, а хватка разжалась, и, освободившись, Звонарь медленно и осторожно сделал шаг назад: «Что, во имя создателя, здесь происходит? Что ты такое?» – спрашивал он у монстра, даже не подозревая, может ли тот ему ответить. Но уродливый двойник просто вытянул левую руку и показал на горизонт. Парень взглядом последовал за его рукой и вгляделся в медленно заходящее желтое солнце. Тусклый свет пролился вокруг, освещая алтарь, а затем залил собой весь задний двор. Виктор заслонил лицо руками, когда тот хлынул ему в глаза, будто оставляя клеймо прямо на зрачке, зажмурился, а, следом подняв веки, увидел, что алтарь и монстр исчезли, а сам он стоит в зале, напоминающем древние покои, о которых читал в книжках ещё в детстве.

Темно-рыжие, чёрные и золотые тона, в которых были выкрашены стены и колонны, прекрасно гармонировали с по-

лом из коричневого мрамора и пирамидообразным потолком, уходящим остриём вверх. Весь зал был заполнен почти до отказа. Одни в нарядах из дорогих тканей со вставками из шкур диких зверей, другие с кувшинами, с улыбкой разносившие всем гостям напитки. Златовласые персоны в золотых, сияющих нарядах стояли неподалёку от других людей в темных одеяниях, покрытых дымом и тенью, струящихся от них словно туман. Виктор проходил мимо гостей, продвигаясь ближе к огромной площадке, напоминающей подобие сцены с пьедесталом. Почти добравшись, он натолкнулся на мужчину лет пятидесяти, одетого в тёмно-фиолетовый костюм, состоящий из сюртука, брюк и подобии туфель, а лицо его почему-то было очень ему знакомо. Эти седые кудрявые волосы с залысинами и густыми бровями создавали ощущение, что он видел этого мужчину уже сотни раз. И, хоть его костюм не совсем такой как ныне, всё же по виду это был один из членов ордена. Виктор попытался заговорить, но тот не обращал на парня ни малейшего внимания, как, собственно, и все остальные гости праздника. И это логично, ведь всё это – лишь очередное воспоминание, только не его собственное. Он оставил в покое образ до боли знакомого ему человека и стал пробираться дальше.

Медленно заходящее солнце осветило стан, появившийся посреди сцены. Бледное темно-серое лицо, черные короткие волосы, зачесанные наверх, будто кристаллы, переливались тусклым фиолетовым светом, наравне с плащом, сшитым из

разнообразных кусочков зеркал до самого пола и длинными рукавами. Все присутствующие резко замолчали и обратили всё своё внимание напрямик на него. Заведя правую руку за спину, он заговорил, и голос его был наполнен вибрациями, отражающимися от всех стен и колонн:

– Друзья мои. Соратники, старые... и новые. – Обводил он взглядом всех присутствующих. – Собрал здесь я вас, в этом прекрасном месте, не для ярких заявлений и фраз. Не ради праздных речей и громких возгласов. Здесь, после всего, через что прошли мы, я хочу сказать всем вам: «Спасибо!». – И зал заплодировать, встречая его благородную учтивую речь. – Спасибо вам, – обращался он к людям в темных, покрытых дымом одеяниях. – давние друзья мои, что не бросили в тяжкие времена, помогли отстоять общий мир от попыток свергнуть его в хаос и смятение. Спасибо за то, что не отреклись от меня и верно служили этому миру из начала времён.

Один из них вывел, согнутую в локте левую руку перед собой и медленно поклонился: – Ничего другого мы и представить не могли, Владыка. Мы будем идти за вами до конца, даже если этот путь приведет нас в небытие. Всё это свершилось лишь благодаря вам. Эта победа ваша! – И окружающие его собраты присоединились к поздравлениям.

Тот, кого называли «владыкой», закрыл свои темно фиолетовые блестящие глаза и склонил голову им в ответ, а затем вновь выпрямился, приняв величественный стан: – Спаси-

бо вам, мои новые друзья, что приняли меня в это ужасное, тяжкое и для вас время. Спасибо за вашу доблесть и доброту. Спасибо за доверие оказанное, и за то, что не отвергли дар мой.

Один из светлого народа в ярких лёгких доспехах и белом плаще сделал шаг вперёд: – Полностью оправдал ты оказанное тебе доверие. А за величайший дар свободы воли и за неописуемую помощь в борьбе с общим врагом мироздания, мы будем в вечном долгу перед тобой! За сим, лорд-хранитель, мы принимаем твою благодарность! – Стоя, хоть и распределившись по всей огромной площади, они, все как один, отдали честь выступающему, ударив в грудь правой рукой, от чего их доспехи тускло засветились.

– В заключении, я хочу сказать спасибо всем, кто стоял на стороне правды, что даровал нам отец, в этой страшной войне. Кто проливал кровь ради победы и сохранения мироздания в том исконном виде... должном виде. Также всем, кто в итоге отдал жизнь за этот хрупкий мир и ради своих убеждений. И, уж если именно мне дарована честь сказать это, то клянусь, что память о жертвах наших не будет забыта. Клянусь, что пока я дышу, пока существую, буду беречь мир, где все, люди, демоны и ангелы могут жить в согласии и гармонии, где нет больше бесполезных распрей, где нет бессмысленных жертв ради безумных целей, где все будут равны. Ведь радости моей от увиденного здесь нет предела. – Он вывел правую руку из-за спины, а в ней был хрустальный бо-

кал. Весь зал, все эти восторженные лица, поддержали владыку, подняв свои. – Выпьем же за то, чтобы такие собрания стали для нас обычным ходом вещей. Чтобы наши народы жили в мире и процветании. И чтобы было так до конца времён. Это всё, чего я только могу пожелать.

Один из людей-теней, в богатом облегающем наряде, полным кружевных вставок, с длинными черными, как сажа, волосами вышел впереди всех и промолвил: – Никто в этом зале не достоин более исполнения желаний, и если это ваше, то да будет так!

– Да будет так, Андрас! – Широко улыбнулся выступающий и поднял высоко бокал. – Ибо я...

Но в следующий момент Виктор моргнул и вновь увидел перед собой стоящего на пьедестале алтаря своего ужасного двойника. Он весь светился от стоящей за ним фиолетовой призрачной фигуры того самого лорда-хранителя. Как и было в видении, они оба держали бокалы: – Ибо я есть Крайе! – Синхронно прозвучали их голоса, и волной разошлись по земле. Небо начало трескаться как стекло и, сначала мелкими, а потом и большими кусками падать на землю. Виктор засуетился, он уже не понимал, где сон, где видение памяти, а где его воображение, но инстинктивно начал уворачиваться от осколков. И, когда последний раз взглянул вверх, увидел огромный кусок стекла, что завис буквально в сантиметре от его лица.

Парень подскочил с дивана, хватая ртом воздух так, буд-

то вздыхает впервые. Оглядевшись по сторонам, он заметил страшный беспорядок вокруг, лежащего на полу Леонарда и облокотившегося на стену рядом с ним Альберта Греция. Пытаясь отдышаться, Виктор спросил: – Что? Что случилось?

– Да так... Ничего особенного. – Потирал глава очки об рубашку.

– Я ... я был...

– Да, Леонард мне всё рассказывал, пока резко не вырубился. Он до сих пор не приходит в сознание, с тех пор как вы одновременно вскрикнули, и только похрапывает как медведь, когда я его шлёпаю по щекам.

Парень опустил голову и приложил правую ладонь себе на лицо: – О, создатель, мне очень жаль...

– Успокойся, ты-то в порядке. – Говорил мистер Греций, подходя к дивану. – А с ним уж и не такое бывало. Он – крепкий мезмеро, проснётся! Давай, помоги мне лучше перенести его на диван.

А, пока они поднимали с пола специального лейтенанта, который совершенно не казался таким тяжелым, какой есть на самом деле, Альберт расспрашивал, о том, что Виктор видел далее во сне. Они положили чтеца на диван, присели на пол, и Звонарь всё по порядку рассказал. О том, что случилось и то было ли это всё правдой или же игрой «невероятного воображения», но его рассказ прервал неожиданно открывший дверь кабинета человек:

- Мистер Греций, сэр. У меня сведения первой важности. – Говорил молодой человек в белом халате и шапочке.
- Альберт обернулся: – Что у вас?
- Это старейшина, сэр.
- Закрин?
- Да, сэр. Он очнулся!

От услышанного они решили оставить пока подробности о видении. Растолкали Крауна так быстро, как только смогли и, собравшись, все вместе побежали до отделения врачей. А разгромленный кабинет остался совсем пуст. Мелкие вещи и осколки валялись по всему полу. Из выбитого искажением пространства окна задувал свежий осенний ветерок, от которого болталась отломанная дверка шкафа и качался висящий на стене портрет первого старейшины дома во весь рост: мужчина лет пятидесяти возле мраморной колонны в старом мезмерском пальто с седыми кудрявыми волосами и густыми бровями.

Отделение врачей находилось совершенно в другом здании, а точнее на территории подземного полигона. Никто точно не знал для чего именно требовалось такое расположение, но у всех были на это свои догадки. У Виктора с братьями также имелись теории на этот счёт. Первая, предложенная Жаном, что «из-за возможных процедур и экспериментов, там проводимых, которые, скорее всего, очень болезнен-

ны и неприятны для глаз окружающих, отделение и было помещено подальше и поглубже под землю». Никто не мог поспорить, ведь людей там вытаскивали и в переносном смысле, и в буквальном с того света, а иногда и наоборот. Наверное, все зависело от степени и квалификации самого лекаря. Второе, предложенное Джипом, что «всем после ранения или травмы требуется отдых, и покой. И чтобы некоторые назойливые ленивые личности не шатались к ним каждый час. За этим и засунули его в такую даль». И у всех не было сомнений в верности его суждений, особенно после фразы: «... это ты на кого намекаешь сейчас?..», сказанной младшим. Третье, предложенное Виктором, что «лечебный корпус занимает стратегическое расположение. Ведь если вдруг начнётся война или ещё что, то раненых нужно где-то спрятать, а что может быть лучше, чем практический подземный полигон». Ну а четвертую часовую лекцию Жока про эфирные месторождения каких-то не выговариваемых вещей, благодаря которым отделение расположено именно там, как всегда никто никогда не слушал.

Пройдя длинные извилистые коридоры бункера и подойдя к палате Закрина, Альберт, Виктор и Леонард остановились. Услышав непонятные крики и стоны за дверью и посмотрев на медика, принёсшего им хорошие новости, Греций спросил: – Мы точно пришли куда надо?

Мужчина в белом халате и шапке слегка помутился: – Глава, мы пришли именно туда. Просто с плохой новостью я

немного повременил... Старейшина не осознаёт где он. У него бред про какое-то место в пустоте, в котором его держали несколько сотен лет, где одному творцу известно, что ему пришлось пережить. Мы не можем вводить пациенту большую дозу успокоительных, так как это может вызвать рецидив, но и держать в таком состоянии тоже невозможно. Его психическое здоровье расшатывается. Мы хотим проверить узнает ли он знакомых ему людей, для выяснения дальнейших действий с ...

– Дальнейший действий? Это не просто пациент, это – старейшина совета! Да я бы на вас посмотрел после пяти лет в коме! Тем более в его то возрасте... – Перебил того Краун, разозлившись на бесчувственное и безувожительное отношение медика.

– Прошу меня простить, специальный Лейтенант, но для нас каждый пациент, равнозначен и уникален в равной степени, как и предписано нашим уставом.

Альберт поправил: – Всё нормально Леонард, они знают свою работу. Пожалуйста продолжайте.

– Я хочу сказать, что мы стабилизировали физическое состояние, но его психическое оставляет желать лучшего. Для решения и этой проблемы нам нужен ряд тестов и помощь чтецов, и как можно скорее.

– Тогда не будем откладывать. – Алберт дернул ручку двери, и все зашли в палату. – Один из них как раз сейчас здесь. Закрин лежал, прикованный к кровати ремнями и страш-

но оглядывался, дергая головой туда-сюда, пытаясь вырваться. Увидев их, взор его прояснился. Он широко заулыбался и на глазах выступили слёзы.

– Альбер! Альберт, не может быть! Ты всё ещё жив... невероятно. Леонард, даже не постарел... Невероятно... я...

Греций присел на его кровать: – Здравствуй, Закрин, мы не могли постареть всего за пять лет.

– Так это правда... Я думал это все иллюзия! Думал они мне врут! Думал, что я всё ещё в аду, а всех, кого знал уже давно нет в живых, как и меня!

Альберт положил ему руку на предплечье чтобы успокоить: – Ты был в коме после инцидента на посвящении, никто кроме тебя не подвергся такому же эффекту. Они целы и невредимы. Все это время мы ждали, когда ты очнёшься.

– Я был не в коме! Я был в пустоте! – Резко закричал старейшина. – В темнице, где нет ни звука, ни света! Никаких чувств! ничего! Только он... это был сам ужас во плоти! И хоть я его не видел и не слышал, но знал, что он там... в глубине... – Вдруг взгляд его пал на Виктора, и он мгновенно вспомнил: – Мальчик...

– Да-да, это Виктор Звонарь. – Альберт показал рукой, и парень подошёл к постели старейшины. – Видишь, он жив и здоров.

– Не может быть... Тебя должно было просто разорвать изнутри! Как такое возможно? – Закрин с диким взглядом неутомимо осматривал парня с головы до ног, всё ещё ища

какой-то подвох, ожидая ловушки или думая, что всё это нереально.

Виктор же попытался сам обратиться к нему: – Здравствуй-те, сэр. Я не знаю, как всё это произошло и почему, но я вам невероятно благодарен. Вы спасли меня разбив зеркала и мне очень жаль, что вам пришлось всё это пережить. – Он стоял так близко, что Закрин ухватил того за руку. После чего зрачки его резко сузились, а бешеный взгляд исчез. Он, вдруг, успокоился и пришёл в себя. От такого совершенно неожиданного облегчения медики, наблюдающие за всем их-за двери, забежали в палату. «Одну секунду» сказали они и принялись осматривать пациента.

– Я... я как будто проснулся от невероятно долгого кошмарного сна... – Растеряно, но совершенно уверено говорил Закрин, который уже не ёрзал по постели и, отпустив руку Виктора, положил голову на подушку. – Сколько я был в таком состоянии?

– Пять лет, четыре месяца и шестнадцать дней, господин старейшина. – Ответил ему лекарь, тщательно просматривая какие-то бумаги и постоянно переговариваясь и сверяясь со своими сотрудниками. Наконец, закончив разбирательства, он прервал образовавшуюся тишину. – Мы с коллегами посоветались и пришли к выводу, который совершенно нас вводит в тупик.

Леонард, широко улыбаясь, подошёл к кровати, с другой стороны: – Ну тогда, я полагаю, в его удерживании больше

нету смысла.

– Безусловно, специальный лейтенант, – кивнул в ответ лекарь и тут же развязал ремни, удерживающие руки старейшины, – возможно, как мы... изначально и предполагали, близкий контакт со знакомыми людьми и вывел пациента из состояния невменяемости.

– Увы, уважаемый. – Закрин поднял голову и сел на кровати. – Но всё что я нес в бреду было правдой. Вы говорите, что здесь прошло всего пять лет, и что я был в коме. Но снова придя в себя и сопоставив то, что видел с моими знаниями, я могу сделать заключение что вы правы лишь от части. – Опираясь о Звонаря, он поднялся с постели. – Хочу поблагодарить тебя, молодой человек. Ты не прошёл через то, что пришлось пройти мне, и я молю творца о том, чтобы этого не случилось. Ваше присутствие, дорогие мои, вернуло мне осознание реальности, очистило разум от тьмы, в которой я был на протяжении долгих лет. Прошу простить, но у меня срочное дело к совету, и оно не терпит отлагательств. Извольте выдать мне изъятую у меня мантию и сопроводить к выходу. – Лекари посмотрели на главу, всё ещё сидевшего на кровати, тот одобрительно кивнул. И, когда Закрину вернули все его вещи и довели до лифта, он остановился. – Далее мы сами, господа, спасибо за проделанную работу. – Альберт, Леонард, старейшина и Виктор зашли внутрь и нажали на кнопку. – Простите за срочность, но так было нужно. На все вопросы вы получите ответы. Сейчас я должен со-

звать собрание совета, на котором вы трое тоже будете присутствовать.

– И я? – Удивлённо спросил Виктор.

– Конечно, если у тебя нету других срочный дел.

– Нет, конечно, нету, господин старейшина. Для меня большая честь присутствовать на собрании.

Закрин говорил совершенно спокойно и глядя ровно перед собой: – Ну тогда дальнейшее обсуждение этого не имеет смысла.

Все замолкли и в тишине продолжили подниматься наверх, где уже виднелся свет, попадающий в почему-то открытую шахту лифта.

Весь путь до залов совета и даже во время ожидания начала процесса ни Альберт, ни Виктор не издали ни звука. Леонард, сидя рядом с ними за трибуной, иногда пытался завязать какой-то разговор, демонстративно поднимая указательный палец, но останавливался лишь, приоткрывая рот, когда замечал их пустой задумчивый взгляд, направленный в центр зала, по которому неспешно ходили члены совета. Ещё бы чуть-чуть и у него лопнуло терпение, но резкое появление Заكريна буквально посреди трибун сразу его утихомирило. Пространство по всему залу пошатнулось от раскрывшегося разлома, мощности которого бы хватило, чтобы прыгнуть прямо из-за внешнего круга.

– Прошу всех садиться на свои места. Я объявляю заседание совета открытым. – Громко сказал он, пока брешь в воз-

духе прямо за его спиной затягивалась, словно быстро заживающий надрез. Разлом схлопнулся как раз к тому моменту, когда все заняли свои места. – Как вы все знаете, ... – тут же продолжил старейшина, стоило членам совета невозмутимо, словно они ничего и не видели, рассесться. – ... я отсутствовал на протяжении долгих пяти лет, после того самого инцидента. Но на самом деле для меня прошло времени намного больше, чем можно себе представить. И вернулся я с отнюдь не добрыми вестями для нашего дома. Могу точно судить о наличии двух глобальных проблем, которые безусловно приведут к неминуемой катастрофе как во внутреннем круге, так и за его пределами. К счастью, по последним новостями, в третьем мире пока нет абсолютно никаких изменений, но неизвестно как долго это может продлиться... – Он говорил, расхаживая по центру зала, заведя руки за спину, и, услышав шепот, остановился, и направил взгляд на его источник. Тихие голоса разом исчезли, и только тогда старейшина продолжил. – Я начну с объяснения, как и почему я пришёл к таким выводам: Последние пять лет моя душа провела в ужасном, тяготящем, пустом месте, в котором время фактически не существовало. После пробуждения от векового заточения я заметил, что мои способности существенно возросли.

Один из членов совета посмел его перебить: – Простите, господин старейшина... вы сказали «векового»?

Закрин спокойно обернулся и ответил на поставленный вопрос: – Да, вы не ослышались, коллега. Проведя анализ

всей ситуации, я оглашаю вам первую проблему, с которой мы столкнёмся. Мятежники выходят из тени, в которой они провели более полутора тысяч лет!

Зал резко зашевелился от такого заявления. Советники начали переговариваться друг с другом, а один из них поднялся и задал вопрос: – Закрин, но какие доказательства вы можете предоставить нам? Вы, как никто, должны четко понимать, что без каких-либо явных причин мы не можем бросать все наши силы на поиски решения возможно несуществующих проблем.

Закрин, ничего не ответил. Он молча приподнял левую руку и начал медленно сжимать ладонь так, что казалось он ломает что-то невероятно крепкое. В воздухе появилось напряжение. Энергия кольцами закружилась над ним, а пустое пространство в руке водоворотом втягивало её со всего потолка. Вихрь продолжал усиливаться, от чего по залу загулял ветер, сдувающий капюшоны с голов членов совета. Виктор уцепился за стол глядя на это, но всё резко закончилось. Ветер утих, а потоки пространственной энергии сжались до крохотного камня, образовавшейся в руке старейшины.

– Всё это время я находился в заточении... в темнице одного из владык. Меня мучили видениями как пылает наш дом, как солдаты бессмысленно погибают от рук еретиков, а дети наши бегут от тех, что вновь посмели отринуть волю создателя! Вот моё доказательство! – Он протянул вперёд чёрный камень, будто втягивающий в себя лучи света. – «Ибо

лишь тот, кто вышел из забвения может образовать кристалл мрака из теней ему подручных!».

Весь зал, включая Альберта подскочили с места, будто их ужалила огромная пчела: – Что вы творите?! Разве стоит рисковать всеми нашими жизнями ради того, чтобы доказать свою правоту! Вы можете разнести весь совет, даже если это нечаянно зацепить пальцем!

Закрин убрал кристалл, показывая, что никакой опасности вовсе нет: – Уверяю вас, она абсолютно стабильна, а я, благодаря этим трём людям, уже далеко не сумасшедший, чтобы уничтожить зал совета своими же руками. – Он, подошёл к столу и положил переливающийся камень на поднос, видимо и предназначенный для него. – За сим не буду долго концентрировать внимание на первом и перейду ко второму пункту. – Продолжал он вести спокойную речь, держа весь зал совета в полном замешательстве. – К счастью здесь я не могу ручаться за верность своих суждений, но в связи с тем, что произошло пять лет назад, из-за чего меня и отравило в забвение, я могу судить, что в наших рядах вновь появился представитель ныне запрещённой специальности.

Тот же советник промолвил: – Однако, как и сказали сейчас, вы не можете быть уверены. Тем более, что «пятый» в оговорённых вами условиях может стать отличным подспорьем в борьбе против мятежников...

– Не смейте! – Вдруг резко крикнул на того старейшина. – Не смейте даже думать о таком в моем присутствии! Я не

допуску повторения скорбящего восхода!!

Этот мужчина замолчал и медленно сел назад на своё место, а другой член совета в свою очередь обратился: – Простите, но по нашим данным ни одного происшествия на территории академии, которые были хотя бы похожи на проявления такой силы, зафиксировано не было за всё время вашего отсутствия...

Альберт подтвердил: – Господин старейшина, я лично проводил тщательные наблюдения за потенциальными личностями и ни один из них не проявил никакой аномальной активности.

Вот только в ответ на такое заявление Закрин подошёл чуть ближе к трибунам и его голос приобрёл резкий и повышенный тон. – Не ожидал, что глава административного холла будет пытаться ввести старейшину совета в заблуждение...

Греций сморщил брови: – Простите? – Переспросил он. – Таких «потенциальных личностей» всего один, и в данный момент он находится прямо здесь! – Взгляд старейшины буквально накинудся на Звонаря, спокойно сидящего за трибуной. Тот даже и не догадывался о чём сейчас вообще идёт речь. Только что объявили о возможном начале войны, а теперь его ещё и в чём-то обвиняют... Парень удивлённо посмотрел на Закрина и растерянно поднялся с места: – А... это... – Запинался он. – Простите сэр, но я даже не знаю о чём вы.

– Альберт не удосужился рассказать тебе правду о том, кто ты такой?

Но Греций перебил эти пока ещё не подкреплённые ничем обвинения: – При всём уважении, Закрин, но Виктор никак не может быть «пятым»!

– И с чего же ты так уверен? Я может и пробыл в забвении сотню лет, но память свою не растерял! И прекрасно помни сколько энергии принял его полупустой дух! Меня поражает лишь то, что я вернулся не на руины!

– Вы не вернулись на «руины», потому что сколько было происшествий за все пять лет? Верно! Нисколько! Мои слова как раз может подтвердить специальный лейтенант Леонард Краун. Мы два года проводили наблюдения за успехами Виктора Звоняра в обучении и подготовке, и я с уверенностью могу заявить, что замечено было лишь их отсутствие!

Виктор молча стоял и слушал как один человек называет его каким-то чудовищем, а другой полным неучем. О тех самых «пятых» парень слышал лишь пару или тройку слухов за всю жизнь. Бед они принесли не мало, но ему даже не известно каких именно. Леонард поднялся и поддержал Греция: – Прошу меня простить, старейшина, но Альберт говорит абсолютную правду. Мистер Звонярь поначалу показывал неплохие успехи в обучении, и даже пошёл в ученики к трио Пуарье, но всё же, завалив три переходных экзамена по специальностям проводника, иллюзиониста и создателя, с большим трудом сдал его на чтеца. Я читал о талантах по-

следней известной «пятой», и могу с уверенностью сказать, что Виктор Звонарь таким являться не может.

Один из советников поднялся с места: – Я также подтверждаю всё ими сказанное. Все отчеты за прошедшие пять лет хранятся в архиве, заверенные главой администрации академии.

Закрин закрыл глаза, повернулся и отошёл назад, пытаюсь найти выход из сложившейся сложной ситуации: – Не могу пропустить мимо ушей все вами сказанное, не доверять вашим словам я не вижу причин. – Виктор выдохнул. – Но, также не вижу причин, оставить юношу без должного внимания.

– Но, позвольте... – Хотел вновь что-то сказать Альберт, но старейшина ему не дал такой возможности.

– Мы проверим молодого человека ещё раз. Я был слышан о братьях Пуарье ещё до инцидента и если они не потеряли былых уникальных талантов, то в этом году примут участие в турнире академии. Я правильно понял?

– Так точно, господин старейшина. – ответил Леонард.

– За сим я привязываю Виктора Звонаря четвертым в команду Пуарье в качестве тещи!

Зал вновь зашевелился. Виктор не знал, что и сказать... Наказание ли это или же извинение со стороны старейшины? Ведь именно этого ребята хотели каким-то образом устроить: – Большое спасибо, профессор Закрин...

– Рано меня ты благодарить... – Прервал он удивлённого

парня и все остальные шептания. – На всё есть одно условие. Оно таково: твоя команда должна выиграть! – Он показал жестом, что это ещё не конец. – И дослушай прежде чем радоваться! Если этого не случится, то, и ты, и все Пуарье... вместе... будете нуллифицированы и отправлены во внешний круг.

Вот тут-то весь зал аж загалдел от возмущения. Леонард подскочил с места, защищая своих подопечных: – Ведь это бессмысленно! Звонарь даже не подходит для их команды ни по возрасту, ни по уровню! Вы же знаете, что они одни из лучших курсантов академии! потеря их талантов будет колоссальным ударом! И как вы можете просто так взять и разрушить жизни этих молодых людей?!... Альберт скажи же что-нибудь!

Греций, который в отличие от всех других стоял молча, жестко ответил коротко и ясно: – Они победят!

Закрин снова сложил руки за спиной и направился к выходу из зала совета: – Я очень на это надеюсь. До турнира осталось три месяца, готовьтесь лучше, мистер Звонарь! Вам это понадобится... На этом собрание совета объявляется закрытым.

Виктор не мог вымолвить ни слова в ответ. От груза, свалившегося на его плечи он будто провалился сквозь землю. Понимая, что из-за него они могут проиграть, и будут изгнаны из дома навсегда... Из-за него, неспособного даже на малейшие успехи могут пострадать его лучшие друзья. А За-

крин спокойно, словно ничего вовсе и не случилось, вышел за двери, когда весь зал всё ещё остался стоять на месте от той информации, что только что хлынула на них, словно цунами. «Что же будет дальше?» – думал Леонард Краун, глядя тому в спину, пока Виктор просто плюхнулся назад на скамью с широко распахнутыми глазами.

«Любое сражение всегда приходит к своему неизбежному финалу, и лишь душевная борьба способна длиться вечно.»
Четвертая заповедь книги Мезмеро

Акт третий

Обуздайте кошмар

Утро наступало достаточно долго, ведь Звонарь не смог сомкнуть глаз вплоть до восхода солнца, а через пару минут зазвонил будильник, трезвонящий о начале нового учебного дня.

– Что же такое забвение? – Задал стоящий у кафедры лектор, вопрос к аудитории, и сам же сразу на него ответил. – Никто точно не может дать определение этому феномену, ибо последний находившийся в нём человек умер тысячу лет назад, оставив лишь непонятные записи, написанные, находясь, скажем так, уже не совсем в здравом уме... – Виктор отсиживался за самой дальней партой, пытаясь не слушать о чём говорит лейтенант, читающий лекцию его учеб-

ной группе. Всё это время, отстраняясь от мыслей, вгоняющих его в глубокую депрессию, он старался вести себя как обычно, будто его жизнь не катится под откос, причём рушит её именно тот, кто пять лет назад же и подарил. Вот только, сказать по правде, притворяться у него не особо выходит. Чуть только видение возможного будущего приходило ему в голову, так кислая мина и поникшие глаза сразу выдавали парня, благо некому было на это смотреть, ведь сочувствие окружающих к неизвестной проблеме всё лишь усугубит, а рассказывать подробности Звонарь совершенно не в праве. – Итак начнём с источника этих феноменов. – Продолжал лысоватый мужчина в старых прямоугольных очках. – Забвения были дарованы наивысшим представителям демонического общества. Сам творец, велел заключать в них самые извращённые человеческие души. Целью же помещения души в забвение было избавление от скверны, что не очищалась путём перерождения...

Его прерывают вопросом из аудитории: – Простите, сэр, но разве не все души, возвращаясь в этот мир, приходят чистыми?

– Это смотря о какой чистоте мы говорим. Как уже, кстати, обсуждалось на третьей лекции, по которой у вас на следующей неделе будет контрольное изложение, каждая душа после смерти попадает либо в рай, либо в ад. Многие из наших философов в разные времена утверждали, что это абсолютно разные вещи и что это одно и то же. Но на самом

деле правы были и те, и другие. И вообще-то вы должны были изучить сами... – Посмотрел он на молодёжь с серьёзным взглядом, но затем вздохнул и поправил очки. – Ну, раз я уже затронул эту тему... Итак, начнём с того, что ад или рай – это лишь смысловые понятия, когда состояние души после ухода из жизни всего одно. В любом случае душа человека попадает в пространство, где под её прямым воздействием оно преобразуется в сцены из воспоминаний или же желания её самой. И так в «раю» преобладают самые яркие и счастливые моменты. У людей из внешнего круга есть фраза «воспарить душой», что в полной мере описывает такое состояние. Это можно понять и буквально, ведь если у человека преобладают плохие воспоминания, о событии в его жизни, произошедшем по его же вине, «воспарить» уже не удастся. Тогда пространство, окрасится уже в совершенно другие цвета. В этом и заключается «ад». Мысли о содеянном, от которых человек бежал всю свою жизнь, не дающими ему покоя, догонят, если не при жизни, то после смерти. И он будет проживать этот момент снова и снова, до тех пор, пока полностью не осознает свою вину, после чего, очистившись от боли, его уже ничего не будет удерживать.

Курсантка поднялась и задала прямой вопрос лектору: – Но, а если там далеко не один проступок, то, следовательно, и переживать душе придётся гораздо больше. Так, а если это преступник, который всю свою жизнь только калечил и убивал других людей, то сколько же ему там томиться, ведь он

вряд ли вообще когда-то сможет раскаяться в своих грехах.

Лейтенант вышел из-за кафедры и начал свободно прогуливаться по аудитории: – А вот это – точный и совершенно правильный вопрос! Спасибо, присаживайтесь. Понимаете ли, в чём дело. Такие души извращены настолько, что обычные наши представления переворачиваются с ног на голову. Представьте, ведь он будет переживать самое худшее что было в его жизни снова и снова, сгорая и терзаясь от своего собственного стыда и совести. Но взгляните на эту ситуацию под другим углом... а разве это не было смыслом его жизни? Чисто гипотетически: вы совершили кражу, которой искренне гордитесь. Попадая в «ад», вы будете переживать эту кражу снова и снова, вновь и вновь. Разве это не будет для вас чем-то приятным? Так вот для всех извращённых душ этого понятия вообще не существует. Они также, как и нормальные, насытившись старыми впечатлениями выходят на цикл перерождения для получения новых. Вот теперь то мы и подошли к главной теме нашей лекции: хранители забвений. Они искореняли этот недуг путём заточения в темнице, и агония в ней длилась до тех пор, пока душа не выгорит, и не станет чиста как капля утренней росы. Так ей давался шанс на новую жизнь, шанс взглянуть на всё под верным градусом.

Девушка задала новый вопрос, но на сей, раз не вставая: «Но ведь демоны восстали против мирового порядка и во главе были как раз те самые хранители забвений. Зачем же они тогда выполняли всё это время свои обязанности?»

– Дело в том, что «выполнять свои обязанности» им было на руку. Ведь за каждую помещённую в их забвение душу, они получали силу благодаря испытываемой ею боли.

Новый вопрос откуда-то из края аудитории: «Если они так хотели силы, почему же тогда за души не передрались все?» На что зал, как и сам лектор невольно засмеялись.

– Это тоже верно! Хранителей было много, как и самих забвений, а точнее двенадцать. Но ведь все они были разные. Из древних записей мы можем подразделять их в зависимости от эффекта, оказывающего действие на заточённого. Различают забвения в ужасе, боли, сне, гневе и ярости, шуме, бессилии, жажде и других им подобных. Почему же хранители не соперничали за души? А чего каждый человек бояться больше всего, м? – Лектор уже неплохо разошёлся и свободно гулял по всему помещению, а голос стал на полтора тона выше, вот только в ответ на такой живой и энергичный вопрос звучала лишь тишина. – Именно, вы не знаете! Ведь каждый страшится чего-то своего. Один боится боли, другой темноты, третий высоты... Рассмотрим такой случай: Вы прожили всю свою жизнь в борьбе за власть, ступая по костям как врагов и незнакомых, так и друзей, и близких. На ваш взгляд, какое забвение оказало бы должный эффект? – Зал слегка поразмыслил: «Бессилия!» – Именно! Человек стремившийся к власти всегда боится, что её отнимут. И, лишь приняв этот факт, он сможет выйти из такого рода забвения, лишь смирившись с неизбежным, он сможет

забрать назад свой остаток жизни. А допустим... – Сигнал об окончании занятий, зазвеневший по всему коридору, так неожиданно прервал его. – Ох, я что-то увлёкся... Ну тогда ваше задание на следующую лекцию – подготовить один из таких примеров. И постарайтесь чтобы было правдоподобно и развернуто!

Курсанты засобирались, и начали выходить из аудитории, спеша заняться другими делами, когда Виктор всё также сидел, уставившись вперёд в пустоту. Выслушав всю лекцию, он задумался: в каком же из видов забвения побывал За-крин, что, выйдя оттуда он превратился из доброго старичка в ужасного тирана, ведь должно же быть всё наоборот. А спросить он этого не мог, ведь ему запрещено разглашать подробности заседания совета.

– Молодой человек, у вас какой-то вопрос? – Обратился к Виктору, лейтенант, собирая бумаги со стола и складывая их в кожаный портфель. – Лекция уже закончена.

– Нет, нет. Извините, сэр, я просто задумался. – Он положил тетрадь в сумку и, попрощавшись с лектором, вышел из аудитории.

Наверное, у него было ещё одно занятие, или же нет... Звонарь этого не помнил, да и ему было не до этого. Проходя мимо людей, наполненных радостью и энергией, он всё больше и больше ощущал себя разбитым и обессиленным. «По-видимому, моё забвение никогда меня не отпустит...» подумал он, выходя из дверей административного холла. Спу-

стившись по круглой лестнице, юноша направился прогуляться где-нибудь, не важно где, лишь бы уйти подальше от народа, суетившегося вокруг. Погода тоже особо не радовала. Ощущение что вот-вот начнётся дождь не покидало ни на секунду, небо заволокло чёрными, как дёготь, тучами и ни одному лучику света не удавалось пробиться сквозь такой заслон. А самое ужасное было то, что он до сих пор даже и не представлял, как можно рассказать братьям о случившемся. Прокручивая в голове все возможные варианты их реакции, Виктор не смог найти положительный. «Великие братья Пуарье», как их начали называть на десятой ступени обучения, могут исчезнуть из-за такого как он. Эти мысли не давали ему ни минуты покоя. Он шёл по улице, опустив голову, совершенно не заметил стоящих впереди людей и, разумеется, встретился лбом со спиной какого-то парня. Тот слегка пошатнулся и обернулся посмотреть кто это врезался в него, но, увидев Виктора, даже удивился: «О, Звонарь! А Жан как раз говорил сообщить, если вдруг тебя увижу. Повезло! Пошли, я тебя отведу. А то там какое-то дело очень важное и нетерпящее отлагательств!»

Парень куда-то побежал, и Виктор не раздумывая последовал за ним: «Что-то случилось?» – спросил он гонца.

– Не знаю, вот придёшь и сам спросишь!

Просмотрев наихудший вариант развития событий, в голову к нему пришла мысль, что что-то приключилось с его лучшими друзьями, и это сразу затмило все остальное. Не

опережал Звонарь этого парня только потому, что не знал куда бежать, а если бы знал, то уже давно был там, ведь, несмотря на все провалы в учебе, у него всегда был один неизменный дар с самого глубокого детства. Ловкости и скорости его можно было только позавидовать, и, добравшись до места, гонец в край запыхался: «Вот!.. это... тут» – сказал он, хватая ртом воздух, а Виктор дышал абсолютно ровно, будто и не бежал вовсе. Они зашли в темный домик у озера в чаще леса, в котором не было видно абсолютно ничего. Незнакомый паренёк сделал два шага вперёд: «Сейчас я посвечу...» – Как вдруг зажегся свет: «Сюрприз!!!» – Прокричали люди, стоявшие по всюду в этом, как оказалось, далеко не маленьком домике. Яркий свет испугал и ослепил Звонаря, и он даже не заметил, как к нему подбежали близнецы:

– Вик, да ты герой! – Громко сказал Жок, хлопая того по спине.

Джип положил руку ему на плечо: – Не знаю, что ты сказал старейшине, или что показал, но теперь ты в команде!

Жан выскочил прямо из ниоткуда: – Посторонись, у этого парня большие связи в совете! Может ты ещё что-то от нас скрываешь? А то я уже боюсь!

Виктор только приоткрыл рот, как, посмотрев на радостную толпу, по спине его пробежал легкий холодок. «Думаю сейчас далеко не лучший момент для плохих новостей» – подумал он и с улыбкой ответил: – Закрин сам предложил! Честно!

– А, так он ещё и не «Господин Старейшина», а просто «Закрин», что-то тут явно нечисто... – Жан почесал подбородок. – А, хотя, какая разница! – И следом воскликнул. – Ведь сегодня у нас праздник! У нас сформирована команда! Давайте отметим такое событие как следует!

И они направились напрямик к центру комнаты где их уже ждалась толпа народа. Буквально за сутки слух о том, что парень, даже не подходящий по возрасту, будет принимать участие в самом грандиозном событии года, распространился, по всей академии. А, судя по тому, что на вечеринке были даже ребята с его ступени, Виктор подумал, что все специально притворялись о неосведомлённости, чтобы устроить сюрприз. А сколько сил братья приложили для организации всего этого... даже не верится. Хорошо, что он промолчал и не испортил такой праздник. «Фальшивый то он только для меня, а для всех других, не ведающих правды, он самый настоящий. Так пусть таким и будет!» – подумал про себя Звонарь и, откинув плохие мысли, постарался сам поверить в выдуманную им сказку. А ведь и вправду говорят «стоит лишь начать» – через пять минут он уже во всю веселился. Нет практически ничего невозможного, если у тебя под рукой есть хороший мезмеро-создатель, а когда их ещё и много, то это просто прекрасно. Дом был как раз одним из творений Джипа. Снаружи он и впрямь казался маленьким, но был так спроектирована, что, попав внутрь, в нём можно было даже легко заблудиться. Коридор, в котором поме-

стился не один десяток человек, уже оказался в разы больше чем внешний контур дома, а комнат в нём располагалось столько, что ни один мезмеро во всех так и не побывал, хотя некоторые занялись именно этим делом и ходили по дому как по гигантскому музею. Неизвестно почему, но старший подумал, что сделать весь интерьер в красных, черных и белых тонах будет очень по-праздничному. Везде гирлянды, какие-то носки над горящим камином, о которых Джип прочитал в одной из детских книжек, пышные кресла и диванчики, лестницы с кружевами, похожими на пончики, да и, если честно, всем было даже как-то наплевать какого цвета потолок над ними, главное ведь – это компания. Толпа разошлась по комнатам, в которых были самые разнообразные развлечения, начиная от бросания дротиков и кинжалов в мишени, отталкивающих поверхностей, на которых люди прыгали до самого потолка, заканчивая перетягиванием каната. Огромный длинный коридор. На одном конце находились несколько десятков человек, уцепившихся за канат, а на противоположном, взяв другую его сторону всего тремя пальцами левой руки и улыбаясь, стоял сам Джип. По его команде колонна во главе с Виктором начали тянуть. Крики «Давай! Ребята давай!» разносились по комнате. Народ пытался изо всех сил, а старший Пуарье неподвижно стоял и продолжал улыбаться. Выглядело это словно несколько десятков людей пытаются отобрать веревку у титана. Вдруг, посреди комнаты, из разлома буквально кубарем вываливается Жан со стака-

ном чего-то «расслабляющего» и лёгким движением руки разрубил канат надвое, от чего ребята повалились на пол: «Вы чего, глупые? Нашли с кем тягаться! Это же его мир! Он тут король! Хе-хе!» – сказал Младший слегка охмелевшим голосом и скакнул назад туда откуда пришёл. Вскоре с такими стаканчиками был уже каждый второй на вечеринке. Ну а, совершенно расслабившись, народ полез купаться в озере и всем оно показалось даже теплее чем летом, хотя оно таким и не являлось... Виктор никогда ещё не видел столько людей в нижнем белье, поэтому засмутился и не захотел лезть в воду, но, посмотрев налево, встретился взглядом с Жокком, который сразу же пропорхнул к нему, словно мотылёк на зажжённой огонечек: «Ну что, мой слегка смущённый друг, сейчас профессионал покажет тебе мастер класс! Смотри и учи!» – сказал он, показывая рукой на выступ прямо над водой. Пока «мастер» пробирался до туда, по правую руку Звоняря очутился ещё более расслабленный Жан: «О господи, какой ужас... Я не хочу это видеть! – Звучал его болтающийся по нотам голосок, когда он сам пытался закрыть лицо руками и одновременно глядел сквозь пальцы. – Вик, закрой мне глаза! Пожалуйста, ну хотя бы один...». «А теперь финт Пуарье!» – крикнул Жок, привлекая внимание народа, и прыгнул с уступа, исполняя сальто, прямым в воду. Но трюк был испорчен, когда тот плашмя рубанулся о землю. «О боже! Ну умный же парень, а такой дурак!» – Со слезами на глазах смеялся Жан, над бедным братом, вместо того,

чтобы предупредить. Джип с Лизой через мгновение подбежали к пострадавшему: «Неужто ты не заметил, что тут воды сантиметров пять и не больше?» – вздыхая, приводили они его в чувства. Кряхтя от боли Жок пошлёпал водичку ладонью: «Да вот подошёл поближе и сразу заметил».

А тем временем вечер плавно перетёк в ночь, и народ начал постепенно расходиться. Когда ребята проводили последних гостей, и Джип уже собирался развеять домик, Виктор остановил его: – Подожди пока, хорошо? – попросил он, положив руку ему на предплечье.

– Почему? Неужто наш алкоголик был прав и у тебя есть связи в совете, которыми ты наконец решил поделиться?

– Нет. Всё совсем не так, и... далеко не так радужно. Давайте внутрь, у меня для вас не очень хорошие новости. – Виктор с грустным видом и вновь потухшим взглядом прошёл в гостиную, где всё ещё горел уже увядающий камин, и братья вскоре к нему присоединились. Звонарь стоял в серьёзной позе прямо возле огня: – Садитесь ребят, мне нужно вам кое-что рассказать.

– У тебя проблемы? Если что мы всех отпинаем! – Пробормотал Жок, держа платок у разбитого в кровь носа.

– Проблемы – это мягко сказано. А хуже всего то, что они не только мои...

Жан плюхнулся на диван справа от камина: «Что-то меня сейчас даже «шуткануть» не тянет». За ним на диван сели оставшиеся Пуарье: «Ну давай уже не томи. Что случилось?»

– Пожалуй я начну с самого начала... – И Виктор принял-ся ходить из угла в угол, рассказывая во всех подробностях всю свою историю с самого инцидента на посвящении. Он объяснил им из-за чего ему было так плохо спать, откуда он хорошо знает Альберта Греция, о том, как Закрин пришёл в себя, и совещании, которое он проводил. – В итоге, даже когда все ему доказали, что я не могу быть одним из этих «пятых», он всё равно решил в этом удостовериться. Вот таким образом я был приставлен к вам на турнир...

– Логично! В стрессовой или опасной ситуации, которые скорее всего предстоят, способности могли бы проявиться... – Подводил итог Жок с довольно умным видом.

Виктор встревоженно взмахнул руками: – Да! Если бы они у меня были! Хоть какие-то!

– Так подожди, – прервал их Жан, – я не понял, так, а где проблема-то? Или я что-то упустил?

– А проблема, ребята, в том, что наша команда обязательно должна победить!

– Пффф! – Зафыркал Жок сквозь платок на лице. – Да разве это проблема? Мы приложим все усилия для победы, уж об этом тебе не стоит волноваться!

– Нам придётся... – Взял Виктор паузу, сделав на этом акцент. – Ибо если мы проиграем, то будем нуллифицированы и высланы за предел внутреннего круга!

Молчание накрыло комнату. Лишь скрежет насекомых за окном и треск почти потухшего камина заполняли гостиную.

Жок медленно отпустил платок, и, стоило тому упасть на пол, подскочил: – Да они там что, рехнулись все?!

– Не все... можем пойти и сказать ему это в лицо, это не в первой.

Джип, потёр свою бородку: – Но ведь это совершенно не имеет смысла. Зачем нужны такие резкие меры? Неужто он в серьёз так уверен, что ты «пятый», чтобы поставить нас всех в такое положение?

– И никто не смог переубедить этого пси... ненормального человека? – мямля спросил Виктор Жан.

– Все пытались, но без толку. Он «сказал своё слово».

Братья сначала посидели немного, а потом переглянулись, и, будто без слов о чём-то договорившись, Джип поднялся с дивана и, подойдя к Виктору, положил ему руку на плечо: «Да успокойся ты. Зато теперь у нас есть сильный стимул к победе.». Жок, подняв с пола платок и вновь приложив его к ещё кровоточащему носу, тоже подошёл к камину: «Я бы сказал огромный!». А Жан прыгнул и обхватил их за шеи: «Да! Мы прорвёмся! С завтрашнего дня начинаем тренировки для турнира!». – А потом он расслабился и соскользнул вниз: «Ну или послезавтра...».

– И что вы даже меня никак не накажите? – Удивлённо спросил их Виктор.

Жан, уцепившись за их ноги, пробормотал: «Наказать? Нам что тебя в угол поставить?»

– Хочешь наказания? Тогда ты тащишь эту пьянь до дома.

А я поведу раненого. – сказал Джип и поднял младшего.

Жок пошёл на выход, у него закружилась голова, и он чуть не врезался в стену: – Да уж, хорошо мы погуляли...

– И не говори... – ответил ему Виктор.

Выйдя из домика, старший Пуарье поднял руку и сломал прозрачную синюю сферу. Та исчезла, а дом распался на сотни стеклянных осколков прямо за их спинами. Ночь отнюдь оказалась не такой уж и тёмной. Месяц, высоко висевший в небе, ярко освещал путь домой. Они спокойно вышли из чащи и, проходя между вековыми гигантскими дубами сада, уже могли заметить крышу административного холла, видневшегося вдалеке, и отражающую свет луны большим зеркальным куполом.

Ещё одна сильная сторона Виктора, которую он иногда ненавидит – это способность просматривать развитие событий на несколько шагов вперёд, или, если можно так выразиться, предсказать возможное будущее. Именно этим он на следующий день и занимался, сидя на очередном скучном занятии по теории снов, которую ведёт невероятно нудный усатый мужчина в очулярах для сильно слепых. За полгода Звонарь не смог запомнить не то что ни одной лекции, а даже его имени. Но, по относительно спящему состоянию всей аудитории можно было сделать вывод, что невыносимое мямлящие произношение этого «чудо-лектора» не оставля-

ло после себя ни одного сознательного курсанта. Его голос, проносясь по аудитории, вызывал массовые приступы сонливости, которым было невозможно противиться. Виктор под таким давлением всё более и более погружался в своё воспалённое воображение, и оно рисовало ему все возможные картины и пути выхода из сложившейся ситуации. И вот, когда уже весь зал сладко задремал, дверь аудитории резко открылась:

– Доброе утро... если это можно так назвать. – Громко произнёс Леонард, оглядев спящий зал.

– О, специальный лейтенант Краун, – также отвратительно шепелявя поприветствовал его лектор, – какая честь, что вы сочли нужным зайти на мои занятия...

Леонард так неохотно взглянул на того правым глазом, слегка повернув голову: – Я здесь по прямому приказу главы администрации. Мне нужен Виктор Звонарь. – Все курсанты резко проснулись и уставились на Виктора, который заводил глазами туда-сюда пытаясь увидеть всю округу не двигая головой. – Доброе утро, мистер Звонарь.

– Доброе, Лейтенант. – Почесал тот шею от удивления.

– По распоряжению Альберта Греция и в связи с приближением ежегодного турнира, ты освобождаешься от занятий. Дальнейшую твою подготовку буду проводить лично я. Так что собирайся и желательно просыпайся. – Он указал большим пальцем правой руки на дверь. – Я буду ждать тебя через пол часа во втором отсеке практического корпуса... – Он

снова неохотно взглянул на лектора. – Извините что прервал, м... – Наверное Краун хотел сказать «мистер...», а затем глаза его немного забежали, и он развернулся на месте и быстро вышел из аудитории. Неизвестно, что думали другие курсанты, смотрящие на то, как Виктор собрался и, попросившись с тем, чьё имя, как выяснилось, не знал даже специальный лейтенант, выбежал за дверь. Может его и освободили от скучных занятий, но теперь он попал под юрисдикцию самого Леонарда Крауна, а тот является одним из самых известных чтецов во всем внутреннем круге, и уж точно спустит с такого бездаря все три шкуры. И этим он будет заниматься на протяжении почти трех месяцев. Так что зависти к нему явно никто не испытывал, скорее сочувствие.

Виктор поднялся по лестнице на шестой этаж и зашел к себе в комнату. Совершенно не понимая зачем пришел к себе, он сел на кровать и, посмотрев в окно, заметил Леонарда, стоявшего прямо у шахты лифта, ведущего в подземный практический корпус. Звонарь сразу понял, что его уже ждут, и, подскочив с постели побежал напрямик к месту назначения.

– Опаздываешь Виктор! Я-то думал, ты понял, что "пол часа" это сильно преувеличено. – Сказал лейтенант, подошедшему курсанту.

– Извините, мистер Краун. Я решил забежать сначала к себе.

Лейтенант нажал на кнопку и двери распахнулись: – Ну,

на первый раз это нормально, но, учти, у нас очень мало времени на твою подготовку, поэтому мы так торопимся.

– Но ведь впереди целых три месяца. – Удивленно подметил Виктор, заходя внутрь и глядя как Леонард нажимает на кнопку третьего этажа.

– Ну, тут ты прав лишь от части. Как сам знаешь, на турнире будут выступать самые талантливые курсанты, причем последней и предпоследней ступени. А ты сейчас лишь только на шестой, и, заметь, далеко не лучший в своей группе. Так что у нас не «ещё», а «всего» три месяца.

– Это точно... – Вздохнул тот в ответ.

– Чтобы ты мог с ними как-то тягаться, я должен обучить тебя всему, что преподают за несколько лет... – Сделал он небольшую паузу. – Или кое чему другому, если получится... – Но, не переживай! – Улыбнулся он и хлопнул того по плечу. – Может быть к счастью, а может и нет, я в своем деле – единственный эксперт.

Когда лейтенант находился в приподнятом состоянии духа или был заморожен сильными эмоциями, у него в голове что-то перещёлкивало, и, сами по себе, рифмы ручьями начинали литься из его уст.

Лифт опустился до уровня три, двери открылись, и они пошли напрямик до практического зала. Зайдя внутрь, парень был слегка шокирован глобальными размерами этого помещения. Гигантский потолок продолговатой формы, висевший над ними как купол, высокие стены, окрашенные в

серо-зеленые тона и пол, покрытый довольно жесткими матами такого же цвета.

– Мистер Краун, а почему вы выбрали площадку для массовых тренировок проводников?

– Как я понял, ты считаешь специальность чтеца довольно скучной и однообразной. – Не снимая туфель, зашагал лейтенант прямо в центр зала.

– Я такого не говорил...

– Но ты так думаешь... – произнёс Леонард и пристально посмотрел на него. Мгновение спустя, Звонарь вдруг осознал, что того нигде нет... Буквально секунду назад он стоял прямо перед ним, в десяти шагах, а сейчас словно испарился. – Кого-то потерял? – прозвучал тихий голос позади Виктора, когда тот оглядывался вокруг. Обернувшись же он встретился глазами с Крауном, а моргнув, моментально ослеп. Стоило его векам закрыться и взору погрузиться во тьму, как та уже назад не схлынула. Парень ощущал её будто нечто вязкое как желе между пальцев. Густая тень медленно поднималась вверх по телу, вот-вот и Звонарь ей захлебнётся. Паника настигла его от понимая, что он ничего не может сделать, чтобы спастись, но, когда отвратительная тёмная субстанция добралась до шеи, Виктор увидел, что лежит на мате посреди комнаты, а Леонард стоял возле стены.

– Извини... я, наверное, слегка переборщил. – Косо на один бок улыбался он, подходя и помогая ему подняться с пола.

У Виктора было ощущение, что он только что вернулся из кошмарного сна: – Что это было?

Лейтенант, не раздумывая, ответил: – Я наложил на тебя два последовательных миража. Сначала обманул твоё зрение, став практически незаметным, как стяжки на этих стенах, затем подошёл сзади и воспользовался техникой близкого зрительного контакта, чтобы окунуть тебя выдуманной мною кошмарной иллюзией, что и было, на мой взгляд, перебором.

Лейтенант Краун, хоть и был одним из самых уважаемых офицеров, никто из курсантов не мог знать почему. Да и говорил он довольно в свободной манере, не свойственной высоким представителям офицерского общества.

– Да нет, всё нормально, – Поправлял сюртук Виктор. – Я же в порядке.

– Да. Ты оклемался довольно быстро, но я всё равно должен попросить прощения, ведь просто хотел показать, что наша специальность отнюдь не всегда такая, какой тебе представлялась. Конечно, в основном, все чтецы – это тыловики, без каких-либо талантов пригодных для ведения боя, но есть и такие как мы... – Он сделал небольшую паузу. – Заметь я сказал «мы», хотя такой всего я один. Но у нас с Альбертом большая надежда, что у тебя всё-таки может получиться.

Виктор всегда искренне верил в свои силы, но за годы успел стать реалистом: – С чего же? – С грустным голосом спросил он.

– А ты думаешь я хотел быть чтецом? – Вдруг, спросил его в ответ Леонард. – В молодости я, как и ты, всегда мечтал стать проводником!

– Вы серьёзно?..

– Серьёзнее некуда. – Краун взглянул на маты и присел, а Звонарь сразу проследовал его примеру. – Ну тогда я таким не был. Мною двигала мечта о карьере великого мастера в искажениях. О, в воображении у меня это хорошо получалось!

– И в чем же тогда была проблема?

– Ну, ты же знаешь, что испускать волны и, как в твоём случае, кидаться стульями – этого мало... – Виктор улыбнулся и вздохнул. Он уже перестал удивляться тому, что Леонард знает о нём практически всё. – Нужно уметь контролировать, что ты делаешь и создавать разломы при помощи одной лишь воли. Вот тут-то мы и погорели! – Сказал он и засмеялся. – Полностью провалившись, потеряв свою мечту, я пошёл от противного и сдал вступительные на чтеца – образа жизни совершенно противоположного тому, чего так долго искал. Захотел, так сказать, себя наказать. Но в процессе узнал: даже если путь был уже кем-то пройден, это не значит, что тропа, по которой надо следовать всего одна.

– А разве путь и тропа не одно и то же? – С недопонимаем переспрашивал юноша.

– Я понял, что способности чтеца, позволяют понять других людей, открыть те секреты души, о которых даже сам че-

ловек и не подозревает. А, когда понимания других мне стало мало, я решил понять самого себя, пытался найти истину в своей душе и своём сердце. Проходя мимо этого практического корпуса, где тренировались мои бывшие друзья, я чувствовал, что всё равно иду не по той тропе, ведь всегда хотел сражаться, хотел уметь творить чудеса, которые повергали бы наших врагов. Но что может ттец? – Задал он вопрос парню. Тот пару раз в раздумьях моргнул, повадил глазами, но так и не дал ответа. – Да, верно. Ровным счётом ничего... – Просто и спокойно ответил Леонард. – Тогда я решил заниматься физически тренировками. Атлетикой, техниками боя, подготавливал тело к тому, чего не мог достичь мой разум. Но, даже став одним из лучших представителей школы рукопашного боя, я так и не получил желаемого. Раз за разом меня поражала глубокая депрессия, и, наконец, я осознал, что предел уже достигнут. Избавиться от него уже никак не получится. И вот однажды, пропуская очередной стакан, пытаясь заглушать свою боль, мне повстречался один из тех самых друзей, которых пришлось оставить, уйдя на другую специальность. Мы, мягко сказать, повздорили, и даже не могу точно вспомнить почему. Помню лишь то чувство стыда, всепоглощающее чувство беспомощности, облившие меня, словно проливной грязный дождь, когда, я лежал на разбитом столе, на который он швырнул меня лёгким движением руки. Глядя в глаза окружающим, хотелось лишь одного, чтобы никто не видел моего позора, никто не видел...

меня. Это желание было настолько сильно, что, когда я поднялся, то осознал невероятную вещь: «Меня... никто... не видит...». Сначала, разумеется, я подумал, что люди просто отводят от меня взгляд, но, дойдя до дома уже полностью убедился в обратном. Даже сталкиваясь с кем-то по дороге, люди не могли в упор разглядеть моего присутствия. В голову шли ужасные мысли: «может я мёртв? Может это моё ужасное забвение?». Но, по правде говоря, вся моя жизнь и была тем самым ужасным забвением, от которого я так пытался убежать, а если бы умер, то уже растворился пеплом в воздухе, как и все остальные мезмеро. Однако, проснувшись на следующее утро, я понял, что всё кончилось. Всего одна простая идея изменила мою жизнь и наполнила её новым смыслом. Размышляя о пути, который прошёл, о всем том, что случилось, я задумался, что бы было, если бы все пошло по-другому. Наоборот... Вот эта идея, эта мысль, дала моей жизни новый смысл! Подумай, в чём же состоит та суть чтеца. Как можно начать всё с чистого листа?

Виктор вслушивался в эту невероятную историю, буквально погрузившись в неё, представляя каждую деталь: – В понимании других.

– Да, верно. Но представь теперь, наоборот эту идею. Законов распахнётся дверь, пойми всё то, что я имею.

Виктор вновь дал четкий и быстрый ответ: – Чтобы другие понимали тебя.

– Ну... – Посмотрел Леонард по сторонам. – В каком-то

роде... да. Придав этой идее точные очертания, я понял в чём может заключаться истинная суть.

– И в чём же?

– Чтец может видеть то, что чувствуют другие. А если наоборот? Что будет, если заставить других видеть то, что чувствуешь, или воображаешь ты сам?.. Именно это я тебе и продемонстрировал, заставил твой... – сделал он ударение на это слово, – ... разум воспринять мои мысли как собственные. Глаза потерять из виду, даже если в этот самый момент они смотрели прямиком в мою сторону. А затем вовсе внушил глобальное видение, полностью вывив тебя из строя. Вот в чем дело! Вот в чем состоит наша сила! Мы ударяем туда, где большинство людей, мезмеро и любых других живых существ уязвимы и заводим туда, где все будут играть по нашим правилам! А, как ты смог заметить, эти правила могут быть вполне жестоки.

– Да... успел ощутить. – Вновь проводил рукой по шее Виктор.

– Плюс, когда я совместил физическую силу, скорость и ловкость, которые приобрёл на долгих тренировках по искусствам ближнего боя, и немного практики, то стал тем, кем являюсь сейчас, а вот тебе это должно дастся гораздо быстрее. – Показал он на парня.

И снова Звонарь удивился: – Почему же?

– Потому что твоя физическая подготовка впечатляет.

– Если только её отсутствие...

– Именно. – Выставил лейтенант указательный палец. – Ты такой от природы! Никогда ничем не занимался, но ловкости и выносливости твоей может позавидовать даже опытный лейтенант. А представь, что будет, после тренировок... интенсивных... тренировок.

– Сильно интенсивных? – Прищуriv один глаз спросил Звонарь.

– Очень... Как и говорил, у нас мало времени. Так что спрошу прямо сейчас. Альберт сам попросил меня стать ответственным за твою подготовку, потому что верит в твои силы, даже если ты сам в них не веришь. Он знает через что ты проходишь. Поверь мне – все в твоих руках. – Краун поднялся и протянул руку Виктору, уставившемуся на него. – Так что, ты готов направить свой талант по нужному пути, как когда-то сделал я?

Он ухватился за руку Леонарда и поднялся: – Да, наверное, пора стать «боевым чтецом». – Произнёс парень всё ещё без должного энтузиазма.

– «Боевым»? Хм... – Задумался лейтенант, нахмуriv брови. – за сотню лет до этого бы не додумался. Так тому и быть! Приступим! – И только Виктор твердо встал на ноги, как вновь плашмя упал на маты.

Окружение перед глазами резко поменялось. Молодой человек не сразу, но понял, что очутился в очередном мираже. Этот образ был точь-в-точь, как и реальная центральная площадь. Посреди двора ходили курсанты, огибая фонтан,

стоящий у круговой лестницы административного холла, те же птицы летали над ними, тот же запах цветов, растущих на рассаде в центре улицы. Вот только его никто не видел, а Леонард, зависнув в воздухе, парил прямо над людьми.

Виктор, стараясь не задавать глупых вопросов по типу «как это?», просто окликнул его: – Так с чего мы начнём?

На что Краун ответил четко и ясно: – Видишь все эти проекции? Они имитируют реальный мир, с одним только отличием – здесь время движется гораздо быстрее хоть ты этого не замечаешь. Так же здесь легче обучаться первым шагам в нашем искусстве.

– И что же это за первые шаги?

– «Заморозь» этот мир... – Проговорил он громко четко и с таким тоном, будто это сущий пустяк. – ... Останови для них ход времени. Сделай так чтобы не было даже малейшего дуновения ветра. Ну, если сможешь... Ладно, с ветром я переборщил, но остальное тебе должно быть вполне под силу.

Виктор развел руками: – Эм... и как мне это сделать?

– Ничего сложного, смотри. – Он оглядел людей, проходящих прямо под ним. – Просто нужно сконцентрироваться и мысленно заставить проекции тебе подчиниться. – Краун показал «стоп» рукой, и люди тотчас же замерли.

– Ну вам легко говорить, вы же здесь хозяин... – Показал парень на них рукой.

Леонард тут же приземлился прямо перед ним: – А, кто хозяин, не имеет совершенно никакого значения для нас!

Чтец не должен видеть разницы между своим разумом и чувшим.

– Да, но...

– Никаких «но»! Ты будешь пытаться пока не получится, так как это – основа. Я учился такому несколько недель, но столько времени здесь – это десяток часов в реальном мире. Так что не торопись. Успокойся. Я не требую от тебя никаких резких успехов, да и вовсе не жду. – Вот это он по-видимому сказал не к месту, ведь у Звонаря сразу поникли глаза, а выражение лица начало шептать «ну вот... опять». – Освойся, и затем увидишь на что способен. – Следом лейтенант вновь поднялся в воздух. – Ну а пока на этом всё. Вернусь, когда ты будешь готов. – И затем бесследно исчез, оставив Звонаря одного посреди огромной придуманной сцены, где ему нужно было, каким-то образом, перевестись из актера второго плана, как и все образы его окружающие, в режиссёра спектакля.

Походив вокруг незамечающей его толпы и покричав на неё, Виктор понял, что привлекать внимание абсолютно бесполезно. Это натолкнуло его на мысль, которую стоило обдумать вдали от этой повседневной картины. И куда же ему пойти, чтобы поразмыслить над происходящем? Конечно же в лес, куда он и братья Пуарье всегда направлялись для этого и не только. Удивляясь точности и реалистичности миража, Виктор по привычке завернул в сад. Но тут обнаружилось самое большое отличие от настоящего мира. Пройдя мимо

вековых дубов, он наткнулся на «конец света», в прямом его смысле. Хоть дальше и виднелся лес, но тропы к нему не было, и она не просто заросла какими-нибудь кустами, не было даже земли под ногами, ничего, кроме белого тусклого излучения, исходявшего из бездны. Виктор понял это, когда сел и попытался дотронуться до якобы белого пола, которой оказался простыми лучами света. Если посмотреть на этот воображаемый мир сверху, то скорее всего он будет похож на картину, отображающую участок академии с высоты птичьего полёта, а эта светлая бездна – всего лишь клочок белого холста, недописанного произведения. «Туда явно пути нет...» – Подумал парень и, вздохнув, отправился назад. Что поделаться, ведь ничто не бывает идеальным. Вернувшись на центральную площадь, он ещё раз обошёл толпу. Ничего не изменилось пока его не было. Образы все также ходили по кругу. Ему пришла в голову возможно стоящая мысль: «А что, если мне тут поспать, заодно и время пройдёт, может что изменится». Через пару часов попыток хотя бы задремать и сотни кувыркков и поворотов по идеально гладкой зелёной траве Звонарь понял, что как бы уже спит, а, следовательно, затея была достаточно глупая. «Ладно, хватит валять дурака» – подумал он, и решил вспомнить как Леонард проделывал свои трюки. Он ведь просто смотрел на него. Смотрел и о чём-то думал, просто сильно сконцентрировавшись. «Ну, это я умею!» – юноша поднялся и стал пристально вглядываться в людей, но тужась около десяти минут так ничего и не

добившись, вспомнил слова лейтенанта: «Техника близкого контакта» ... ну или как-то так... Да и что ему, собственно, терять? Виктор подошёл поближе, затем ещё ближе. Затем ещё и ещё. Ничего не менялось. Тогда, решив идти ва-банк, он стал заглядывать образам людей в глаза, аналогично сосредотачиваясь и стараясь произвести хоть какой-то эффект. Проблема заключалась в том, что болванчики быстро ходили, и Виктор не поспевал за ними одновременно стараясь что-то «внушить». Потерпев очередную неудачу, парень уже разозлился: «Да стой ты!» – прикрикнул он на одного из толпы, останавливая и вытаскивая его из общего строя. Тут то и произошло самое неожиданное: образ начал защищаться, будто не хотел покидать колонны. Человечек пинался и толкался, чем ещё больше выводил Виктора из себя, на что тот не удержался и с размаху ударил его прямо в челюсть: «Ну хоть так тебя вырублю!». Но стоило образу человека упасть на землю, колонна остановилась. Все как один, они уставились на обидчика, и Звонарь, понял, что вот это уже не к добру. Путь к отступлению у него нет, а колонна всё ближе и ближе, и вид у них далеко не дружелюбный. «Стоять! Стоп! Остановитесь!» – приказывал им Виктор, на что те, абсолютно не реагируя, продвигались дальше. С боем парень кое как прорвался сквозь толпу, но на этом все не закончилось. Образы, развернувшись, начали преследовать его с ещё большей прытью. Удирая, Звонарь забежал в здание Административного холла, затем на лестницу, и на верх. Уже

стоя на последнем двенадцатом этаже, он услышал звук. И это уже были не просто шаги. Люди бежали за ним, будто зная, где он. Ничего не оставалось, как запереться в кабинете Греция и как-то спрятаться. Засев под большим столом, содрогающимся от ударов, вышибающих дверь, Виктор затаил дыхание. «Никогда ещё не было так страшно в мире иллюзий...» – думал он, хотя это был его единственный подобный опыт. Когда дверь вылетела с петель, образы ворвались в кабинет. Парень зажмурился и, повторяя про себя одну и ту же фразу «Вы меня не найдёте, вы меня не найдёте...», сидел совершенно неподвижно. Обезумевшие ринулись к столу и, вдруг... остановились. Оглядываясь по сторонам, они заходили по кабинету, и, явно потеряв свою цель с так называемого «радара», не понимали, что делать. И, пока болванчики ходили, топали взад-вперед от стены до стены, Виктор осознал, что его самоубеждения сработали. Тут то в голову и пришла главная мысль: «Мне не нужно было заставлять что-то делать их... ведь они не настоящие! Все это не настоящее...». Он всё же аккуратно и без лишних движений вылез из-под стола, продолжая про себя размышлять: «Между мной и им нет никакой разницы, следовательно, его образы – мои образы. Все эти люди подчиняться мне, нужно лишь только убедить в этом самого себя... хотя, возможно, с другой стороны я делал почти тоже самое изначально...». Звонарь мысленно указал людям на дверь, представляя, как колонна выходит на улицу, и те, словно замороженные, собра-

лись в кучку и послушно вышли из кабинета. Выведя их из здания административного холла, он встал на то же место в центре улицы, а образы окружили его, как и в самом начале.

– Довольно неплохо, да и относительно быстро! – сказал Леонард, неожиданно появившийся по левую руку от Звонаря.

Но тот совершенно не испугался: – Ещё бы! После того, как они меня чуть не убили!» – он стукнул правым кулаком воздух, и, вслед за ним, болванчики повторили тоже движение, рубанув своего правого соседа, по кругу получили в челюсть.

– Ты думаешь они в чём-то виноваты? Они всего лишь копировали твои собственные эмоции.

– Глуповато с их стороны. – Улыбался в ответ Виктор, а Леонард снова щелкнул пальцами. Вдруг, они оказались в части сада, в которую юноша один не смог попасть из-за перекрывающей ему путь пустоты.

– Как ты уже понял, в этом мире все подвластно нашей воле. – Лейтенант отошёл от парня на несколько шагов и встал напротив него рядом с колоннами вековых дубов. – Но как это поможет в реальном бою? Нужно научиться делать чужой разум своим, или же свой чужим. Звучит возможно немного неправильно или же не логично, но это – то, что я делаю, что мы делаем. – Показывал он правой рукой на себя, а левой на Звонаря. – Сложность внушения зависит от каждого человека в отдельности, ведь некоторых подчинить

просто, а других... скажем так, не очень.

Виктор, не ожидавший таких резких продвижений, немного уточнил: – Вот прямо-таки с места в карьер?

Но Краун сначала косо взглянул на молодого человека, а затем сделал вид, что этого не слышал: – Скажу тебе кое-что по секрету. Хотя, наверное, это не такой уж и секрет. Жизнь часто к нам ко всем не справедлива, с этим ничего не поделаешь, уж так устроен третий мир. Но у тебя есть шанс взять судьбу в свои руки, и такая возможность выдается далеко не каждому. Если ты сможешь это сделать, то весь твой мир изменится и уже никогда не придёт в то плачевное состояние, которое ты переживал день ото дня. Это стоит всего... ты понимаешь, о чем я говорю? – Виктор стал серьёзным. Он молча кивнул, опустил руки и собрался с мыслями. – Увы, у тебя нету особого выбора, о философии которого говорить в многих наших писаниях, но таков уж твой путь. Лишь тропу на нём дозволено выбрать самому, но, так или иначе всё придёт, именно к этому. Так что вот тебе первый урок: к каждому сознанию есть ключ, его лишь нужно найти, в этом и заключается основа нашей работы, твоей будущей работы. Тебя будто протащат за руку по аллее и окунут во множество новых миров, которые существуют лишь внутри человеческого сознания. Поверь мне, понимать их – это даже важнее, чем понять весь третий мир. Сейчас я создам образы людей, знакомых лично мне. Ты же должен будешь проникнуть внутрь их воссозданного разума и стать для них неви-

димым, покрыть миражом, и тогда в процессе ты поймёшь, как подыскать способ обмануть зрение любого.

Через секунду перед ним появился первый образ: мужчина лет двадцати шести, плотного телосложения и довольно низкого роста. Лицо его было такое угрюмое, а форма головы квадратная, как и его прическа. От всего этого казалось, что это не человек, а какой-то голем, созданный Джипом для тренировок Младшего. – И вы серьёзно знали этого мезмеро? – С ухмылкой спросил он Лейтенанта.

– Нет, он всего лишь человек... Но когда-то давно я оказался с ним плечом к плечу на задании. И он погиб, прикрывая мою ещё несознательную спину.

– Оу... – Произнёс парень в ответ, а улыбка с его лица сразу пропала.

– Да нет, ты прав. Вообще-то я сам удивлялся, что его внешность полностью соответствовала тому, что было внутри. В общем именно поэтому он и выбран в качестве первого образа. Всё должно быть очень просто. Ну, давай, приступай. – Махнул тот слегка рукой.

Виктор посмотрел на того немного приоткрыв рот, а разведя руками спросил: – А что мне, собственно, делать?

– Леонард обернулся: – Как что? Стань невидимым.

– Да, понятное дело, но как это вообще делать-то?

Лейтенант потер глаза правой рукой: – А, ну да. Я столько разглагольствую, и всё же забыл про вводный инструктаж. – Он спустился с пригорка и подошёл по ближе к пар-

ню. – Смотри на меня. – Указывал он на своё лицо. – Глаза – это зеркало души. Хочешь достать до неё – смотри в глаза. Даже толики секунды зрительного контакта может хватить, чтобы погрузить цель в настоящую пучину твоего воображения.

– Хорошо. Ладно. – Встряхнулся Виктор и приготовился. – Да будет так!

Леонард отошёл, и ученик стал гипнотизировать квадратного мужчину. Направил взор, сконцентрировался и ... ничего не произошло. Человек всё также следил за ним, не отводя взгляда. Спустя пол часа непрерывных попыток обмануть взор «Кирпича» Учитель сжалился над бедным парнем: – Виктор, да стой. Ты пытаешься забить руками гвоздь в титановый прут. Проще говоря, этот человек итак очень напряжен, посмотри на него.

– Да я только это и делаю! – Показал парень рукой.

– Да нет же... – Лейтенант явно не был мастером дотошных объяснений, поэтому терпения у него уже немного не хватало. Он опустил голову и прикрыл лицо правой ладонью. – Послушай. Это очень важно. Ты даже не представляешь себе, как. – Краун вздохнул, открыл глаза и медленно спокойно начал произносить:

– Дверь души всего одна,

А замок всегда различен.

Но какой бы не была она,

Разум имеет сто отличий.

Узреть их все не очень просто,

Понять, быть может, ещё сложнеей.

Но, к каждому возводя помосты,

Будешь становиться ты мудрей...

– Извините, мистер Краун, но ваша поэзия делу не сильно помогает. Что же мне делать то?

– Остановись и подумай. Что делать если дверь не открывается в одну сторону?

– Значит она закрыта? ...

– Да, а может она просто открывается в другую сторону. Его разум хоть и мал, но в данный момент напряжен. Ты же свой очисти, успокой, и тогда ты сможешь открыть эту дверь.

Виктор расслабился и глубоко вздохнул. Мысленно растворившись в атмосфере, он направил невесомый взгляд на образ человека. Крепыш пошатнулся, а глаза его забегали. Он закрутил головой, затем начал оборачиваться, но поиски цели были безрезультативны. В это время юноша просто

ходил вокруг него и никак не мог осознать свой успех. – У меня получилось? Он не видит? – Спрашивал Звонарь у своего учителя со слабо блестящими алыми глазами, на что тот, улыбаясь, кивнул и начал аплодировать. – Что... Что? – Обернувшись, спросил ученик.

– Ты и не представляешь... – Улыбался Леонард, всё также глядя на потерянный образ. Виктор просто промолчал, ожидая продолжения, но специальный лейтенант, вдруг, резко сменил выражение лица. – Думаю, на первый раз хватит. Перейдём к физическим тренировкам! – Он вновь щёлкнул пальцами, и юноша, открыв глаза, понял, что снова лежит на матах в зале для тренировок проводников. – Ты ведь сам сказал, что станешь «боевым чтецом». – Краун уже стоял позади него, сложив руки на груди. – Для этого я обучу тебя всем видам ближнего боя, которые когда-то изучал сам. – Он вновь подал руку, помогая Звонарю подняться. Тот встал и по привычке начал поправлять свою форму. – Но перед тем как к ним приступить, ты должен пройти физическую подготовку, так как тренировки будут жесткими, и без хорошей выносливости ты можешь не выдержать.

Двери открылись и в зал зашёл Джип. Он нерасторопно подошёл к ним и поздоровался: – Здравствуйте, специальный лейтенант. – Возможно я слегка задержался, – сказал он, оглядывая пустое помещение, – прошу меня извинить.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.